

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ХОЛОДНОЕ ПЛАМЯ ЭРИГОНА

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

Холодное пламя Эригона

«Автор»

2007

Ливадный А. Л.

Холодное пламя Эригона / А. Л. Ливадный — «Автор»,
2007 — (Экспансия: История Галактики)

3855 год. Эригон – планета скованная вечным панцирем льда. Однако исследования показали, что раньше ее покрывал теплый океан. Ученые предположили, что орбита планеты была изменена расой Инсектов, когда те испытывали технологию подвижки планет перед началом строительства Сферы Дайсона. Попытка найти на Эригоне остатки гравитационного генератора расы Инсектов приводит к совершенно неожиданным последствиям...

© Ливадный А. Л., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Пролог	5
Часть 1.	8
Глава 1.	8
Глава 2.	25
Глава 3.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Ливадный

Холодное пламя Эригона

Время действия согласно Хронологии «Истории Галактики»
– 3855 год.

Пролог

...Облака, протянувшиеся на половину видимого небосклона, казались оперением фантастической птицы, раскинувшей крылья в ослепительно-фиолетовой глубине безвременья.

Смесь мыслей, чувств и ощущений давила своей чуждостью.

Не существовало запахов, но предзакатные сумерки брызгали сочными красками ледящего света: лучи скатывающегося за горизонт светила, жгучие, зарождающие в небе сполохи полярного сияния, пробивались сквозь разлапистые кроны деревьев, голубоватый свет неба косыми столбами резал чернильные тени, лучи, как клинки, вонзались в бурый, мягкий, пружинистый перегой отмерших листьев, на котором не росла трава, лишь редкие, похожие на клубки колючей проволоки кустарники *нежились* в ослепительном, неживом сиянии.

Чуждый мир, чуждые мысли, но фон непреходящей тоски порождает внезапные ассоциации...

Зачем я здесь?

Под мертвенным небом, среди безвременья, ощущений холода, нестерпимости света?

Ночь приходила минутным облегчением. Ослепительные краски неба меркли с невероятной скоростью, реальность погружалась в спасительный мрак, но ненадолго.

Луна вставала в половину небосвода и, не предвещая ничего доброго, под ее призрачным, оранжевым светом зарождались сгустки напряженных нитевидных разрядов, сплетающиеся в потрескивающие клубки.

Покидая дневные убежища, они медленно *выдавливались* из-под похожих на исполинские, понурые лопухи листьев, и начинали свой путь: сначала к опушке, потом, покружив над бесплодной, потрескавшейся от жара равниной, они, уловив токи горячего, все еще струящегося маревом миражей воздуха, начинали смертельный ночной полет, из которого вернется даже не каждый второй, а гораздо меньше.

В свете газового гиганта нитевидные энергетические образования казались крошечными беспомощными светлячками, движущимися по воле ветра навстречу угасающим сполохам полярного сияния.

В мрачном, налившемся чернотой небе снова начали проступать крылья фантастической птицы, поменявшей лиловое оперение на оранжевое.

...Она остро, почти неприязненно ощущала себя частью данного мира, и в тоже время на втором плане рассудка, за неистовым стремлением подняться ввысь, сквозила ледяным холодом чисто человеческая мысль: *какого фрайга я тут делаю?..*

Времени мало. От заката горячего фиолетового светила до восхода ослепительно-белого всежигающего карлика, за которым тянется шлейф раскаленной плазмы, всего два часа. За это время море волнующихся под порывами ветра растений успеет свернуться, листья втянутся в «чехлы» полых ветвей, и укрытия уже не найдешь, внизу под изменчивыми небесами восход магниевобелой звезды встретит мертвый, ничего не ждущий, притихший мир.

Оплот.

Последнее укрытие. Отсюда либо начнется все, либо тут все окончательно завершится.

Ее... или его беда заключалась в том, что среди стремящихся навстречу пухлому оранжево-медному сиянию газового гиганта сгустков наэлектризованного света больше не было осознающих себя созданий. Остальным просто: им нет разницы, жить или умереть, вернуться к сроку или быть разрушенными. И только она... или все-таки он?... не важно, осознавали себя, понимая, что все здесь чуждо, непонятно, бессмысленно.

Ах, как хотелось все переиначить. Видение прошлого, отражающее будущее, или, быть может настоящее, – губительный, не имеющий объяснения сбой темпорального потока, в котором приходилось существовать... Хорошо если восприятие субъективно, тогда еще можно выпутаться, сохранить в рассудке хотя бы надежду на то, что рано или поздно отыщется источник сбоя, некий стартовый алогизм, от которого и пошла губительная цепочка субъективно-неправильных выводов.

И сразу, будто ледяной душ (а откуда тут взяться воде?) мысль: а если происходящее объективно, что тогда? Останется принять его как данность? Покориться судьбе? Не искать объяснений?

Мысли свободны лишь до определенного момента.

На тщетные попытки понять окружающее отводится слишком мало времени. Крылья оранжевой птицы вдруг теряют очертания, по ним порывами бежит рябь искажений, и вот уже порванные неистовым ветром завитки рыжего тумана беспомощно и безвозвратно растворяются среди плотного мрака.

На угольно-черном небе не отыщешь звезд, лишь иногда сквозь вуаль планетарной туманности по воле случая блеснет холодная искорка, как отблеск утерянного величия, понимания Вселенной, былого торжества разума над пространством и временем.

Когда и где могли существовать подобные мысли, осознаваемые сейчас как *далекие, чужие воспоминания*? Где же то могучее, несомненно разумное, познавшее тайны Вселенной существо, которому по праву принадлежат обрывочные мыслеобразы?

Его нет. Оно не тут. Возможно, уже погибло или еще не появилось на свет?

Ответа не дождешься. Ни от себя, ни от окружающих энергетических сгустков, постепенно расправляющих нити для решающего рывка через чернь стратосферы. В последние секунды осознанного, управляемого мыслью бытия, удастся сохранить только надежду на то, что придет время и все разрешится. Спадет пелена глухого неведения.

Впереди появляется нечто новое и в тоже время давно знакомое, приевшееся, проклятое.

Холодный блеск металлоконструкций. Обращенные к планете сегменты орбитальных сооружений внезапно начинают двигаться, они трансформируются, вращаются вокруг незримых осей, открывают треугольные провалы, откуда в космос выталкивает веретенообразные, покрытые чешуйчатой, уложенной внахлест броней, малые корабли, вооруженные десятками боевых подсистем.

Сгустки холодного света разворачиваются, превращаясь в огромные по площади, но тонкие, словно волос, плетения энергетических нитей.

Их сложно поразить сфокусированным оружием, и лишь плазменный разряд, да широкая апертура электромагнитного, генерированного расширяющимся конусом, поля, способны нанести четверть-сущностям серьезный урон.

Слово какое-то странное, и одновременно, злое, неправильное «четверть-сущность».

Не должно так быть. Если сущность, – то пусть бы полная, что же нормального выйдет из одной четверти? Как нечто подобное вообще может существовать?

Оказывается, может, еще как может.

Сознание меркнет. Оно становится рыхлым, обрывочным, но усилие воли – как дико не хочется его предпринимать, но надо, каждый раз надо, все больше и дольше, хотя бы на секунду или две, чтобы понимать зачем, почему все это?

Опыт. Ужасный опыт тысячекратных смертей, пока еще бессмысленных, но, несомненно, нужных – нужных тогда, когда будет найден смысл происходящего. Ну а пока единственная возможность к пониманию, – это терпеливое накопление данных, уничтожающая рассудок статистика собственных побед и поражений.

Каждый раз отодвигать распад самосознания на несколько секунд, подбираться ближе и ближе к отблескивающему брюху орбитальных конструкций, чтобы, в конце концов, узнать, что же на самом деле происходит за чертой разрушения личности?

Распад наступает болезненно.

Меркнет восприятие реальности, но не исчезает вовсе, а как будто отдалается, становится не концентрацией внимания, а фоном.

Внутри себя, на уровне распадающегося самосознания, текут лавинообразные процессы: из недр, из потаенных узилищ памяти, словно внезапно обретшая свободу толпа заключенных, вырываются инстинкты, рефлексy, – все, что когда-либо было заложено природой, приобретено в нелегкой борьбе за жизнь нашими, еще не осознающими себя предками.

Тотальная мобилизация.

Не важно, какое сейчас у тебя тело, не важно есть ли оно вообще, – навстречу веретенообразным штурмовикам устремляется новорожденная воля, движущая сила которой – инстинкт.

В природе, как и в космосе, выживает сильнейший, самопожертвование в рамках *стай* – уже не жертва, не смерть личности, всего лишь статистика выживания.

Четверть-сущность для того, вероятно, и создана, чтобы стать слепой, не ведающей сомнений, стремящейся порвать противника и обязательно сохранить хотя бы частицу самой себя силы...

Вспышка наступает на фоне погибшего, разорванного на четвертинки самосознания.

Вот и сложились секунды.

Сложились до смерти...

Часть 1. Льды Эригона.

Глава 1.

3855 год галактического календаря.

Неисследованный сектор космического пространства. Окраина шарового скопления О'Хара. Зона средней звездной плотности.

Борт картографическо-разведывательного крейсера корпорации «Новый Свет».

Командир «Антропоса» находился в ходовой рубке, лично контролируя обратный гиперпространственный переход разведывательного крейсера.

Мысли Генри Шелтона текли спокойно, рабочая обстановка, как и показания многочисленных приборов, не предполагала нештатных ситуаций, хотя в секторах неисследованного космоса нужно каждую секунду быть готовым ко всему.

Однако, со временем чувство новизны притупляется, постоянное внутреннее напряжение переходит в разряд данности будней, приходит иное восприятие, когда очередное открытие уже не вызывает повышенной эмоциональной реакции.

Удивить капитана «Антропоса» было нелегко. Он повидал на своем веку всякое, сталкивался и с дикими семьями расы Инсектов, населяющих пригодные для жизни звездные системы скопления, открыл один из неизвестных ранее миров, где до сих пор существовал изолированный очаг цивилизации расы Харамминов, видел исполинские пространственные постройки расы Логриан, – двуглавых ксеноморфов, похожих на мифических драконов заимствованных из Земных преданий, только уменьшенных в сотни раз.

Сегодня экипаж КРК¹ под руководством Шелтона, завершая долгий трехгодичный поиск, совершил прыжок, который не удавался многим его предшественникам. Двигаясь по сетке горизонтальных линий напряженности гиперсферы² «Антропос» вышел на *противоположную* границам Обитаемого Космоса окраину звездного скопления О'Хара.

Через несколько секунд, когда крейсер завершит обратный гиперпространственный переход и заработают навигационные комплексы, предназначенные для привычного человеку трехмерного континуума, взглядам экипажа картографического корабля предстанет звездная система, за границами которой простираются столь желанные, жизненно-необходимые для дальнейшего развития Человечества, но недоступные до сегодняшнего дня неисследованные пространства.

---

¹ КРК – картографическо-разведывательный корабль.

² Сетка горизонтальных линий напряженности гиперсферы. – Источниками линий напряженности (которые делятся на два типа – горизонтальные и вертикальные, речь о которых пойдет ниже), являются все без исключения материальные объекты трехмерного космоса. Упрощая, гиперсферу можно назвать энергетической моделью галактики. Мы знаем, что в реальном космосе все объекты взаимодействуют между собой: каждая планета, звезда, скопление газопылевых облаков, – все имеет гравитационные поля. Именно тяготение массы вещества Ядра Галактики удерживает миллионы периферийных звездных систем на их галактических орбитах. В обычном пространстве мы ограничены скоростью света, но имеем возможность видеть звезды, и лишь специальные приборы позволяют человеку воспринимать гравитационные поля. Гиперсфера, названная когда-то «аномалией космоса», на самом деле иная, более высокоэнергетическая область пространства. Там нет вещества, в его привычной для нас форме, – оно принимает вид энергии, несущей в своей структуре модель гравитационного взаимодействия реально существующих физических тел. Исследования аномалии показали, что большая часть энергии сфокусирована в так называемые «линии напряженности», которые образуют сложную сеть горизонтальных и вертикальных связей. На знании данной особенности и точной осведомленности, какая линия ведет к той или иной звезде, основана вся современная гиперсферная навигация.

Теперь все изменится, – подумал Шелтон, невольно бросив взгляд «назад», где включившиеся видеодатчики транслировали застывший за кормой «Антропоса» сгусток шарового скопления звезд. – Мы оставим в системе навигационное оборудование, маркируем с помощью передатчиков гиперсферных частот линии напряженности аномалии космоса и, вслед за нами, по безопасному, проверенному пути зону шарового скопления смогут преодолевать колониальные транспорты новой волны Экспансии...

Может быть, для кого-то мысли капитана могут показаться высокопарными, но дальний космос не терпит фальши, командир «Антропоса» думал о будущем, испытывая гордость не только за свой экипаж, сумевший проторить путь через зону рискованной навигации в пределах шарового скопления звезд, но и за тех, кто в недалеком будущем воспользуется результатами трехлетней разведки, уводя колониальные транспорты к новым мирам, расположенным за границами О'Хара.

...Обратный переход благополучно завершился, заработавшие локационные и сканирующие комплексы «Антропоса» начали передавать потоки данных, информация анализировалась и систематизировалась специальной кибернетической подсистемой, создающей на основе полученных сведений подробную модель звездной системы и ее окружения.

В тишину поста управления не вплеталась в эти минуты разноголосица команд, пилоты, контролировавшие выход корабля в трехмерный континуум, общались с кибернетическими системами на уровне мысленной связи, осуществляемой при помощи передатчиков стандартных имплантов.

Все проходило ровно, спокойно, по-деловому, пока в общий мнемонический фон внешней нотой не влился сигнал тревоги.

Генри Шелтон мгновенно сориентировался, мысленным приказом активируя голографический монитор, куда тут же начала поступать вся доступная информация с проблемного направления.

То, что он увидел, заставило его вздрогнуть.

Конечно, легко узнаваемые обводы трех «Х-страйкеров» не могли вызвать у капитана чувства замешательства, напротив, он бы тут же нашел объяснение их присутствию в удаленной, труднодоступной и еще не исследованной звездной системе, – многочисленные планетные цивилизации расы Инсектов, утратившие за три миллиона лет стагнаций большинство собственных технологий, охотно закупают технику человеческого производства, и появление в сфере виртуального монитора многофункциональных истребителей не являлось событием, выходящим из ряда вон, вздрогнуть командира «Антропоса» заставило другое: «Х-страйкеры» шли в плотном окружении веретенообразных космических тел, мгновенное сканирование которых не оставляло сомнений в их искусственном происхождении, но идентификационные базы данных разведывательного крейсера не содержали описаний чего-либо подобного.

Внимание всем. Тревога. По курсу «Антропоса» – три «Х-страйкера», модификация «LX», полный автомат, вооружение активировано, сигнатуры³ четкие, идут в окружении неопознанных объектов, аналогов в базах данных не найдено, экипажу приготовиться к экстренному противодействию в случае проявления явной агрессии со стороны неопознанных космических тел.

Мысленный монолог Шелтона был мгновенно передан по внутренней связи, его приказы восприняли не только люди, но и кибернетические системы, ответом же послужил неожи-

---

³ Сигнатура – здесь и далее по тексту понятие «сигнатура» подразумевает любое сконфигурированное энергетическое поле (чаще сумму различных полей) которое может быть сопоставлено с излучающим энергию материальным объектом. В военной и гражданской системах идентификации существует понятие «карта сигнатур» – тут подразумеваются характерные заранее известные распределения энергий, соответствующие работе вполне определенных механизмов или их комплексов. Примером сложной комплексной сигнатуры может быть характерное распределение энергий, излучаемое космическим кораблем при работе бортовых систем.

данный доклад, пришедший от включившейся подсистемы корабля, о существовании которой капитан к своему крайнему удивлению и неудовольствию даже не подозревал.

Сэр, произведена дополнительная идентификация объектов, по специализированным базам данных. Источник – директива 127/72, гриф «совершенно секретно», условия активации программы, – встреча корабля с неопознанными объектами искусственного происхождения.

Пока в рассудке Шелтона звучал мнемонический доклад внезапно заработавшей подсистемы, Генри успел не только принять информацию, но и проверить источник данных. Действительно работал закрытый канал мнемонической связи, гарантирующий, что информацию в данный момент получал только капитан «Антропоса»

Внимание неопознанные объекты идентифицированы в соответствии с дополнительными базами данных, являющихся неотъемлемым приложением к директиве. Автоматически сформирован доклад на аварийных гиперсферных частотах. Рекомендуемое действие – немедленный переход в гиперпространство, с удержанием корабля на границе метрик.

Генри Шелтон понимал: включение подсистемы не случайность, видимо подобная ситуация просчитывалась заранее, и ему следует придерживаться рекомендаций, тем более, что «Х-страйкеры», идущие во главе боевого построения, явно готовились атаковать «Антропос».

Одно из важнейших качеств командира космического корабля, несомненно, заключено в способности быстро оценивать ситуацию и принимать мгновенные решения. Минуту назад он не знал о существовании каких-то дополнительных подсистем, но нашел в себе достаточно здравого смысла, чтобы внять внезапно полученному указанию.

Рекомендация принята, приказ подтверждаю. Всем постам – немедленная готовность к гиперпространственному переходу.

Приказ капитана не обсуждается, он принимается к исполнению, данное правило написано не в кабинетах, оно основано на тысячелетнем опыте Экспансии, – строжайшая дисциплина на борту разведывательно-картографических кораблей не предполагала встречных вопросов или иных заминок.

Генераторы низкой частоты⁴ начали работу спустя четыре секунды после того, как мысленный приказ капитана прошел по глобальной сети «Антропоса».

Корабль, всего несколько минут назад материализовавшийся в трехмерном космосе, начал процедуру экстренного погружения в пространство аномалии: его очертания внезапно стали зыбкими, расплывчатыми, габаритные и навигационные огни потускнели, но, прежде чем КРК растаял, исчез, не приметные сопла, расположенные в корме «Антропоса», исторгли облако нанопыли, – высокотехнологичных микрочастиц, которые продолжали фиксировать все происходящее в системе звезды и передавали информацию двум мнемоникам, которые, находясь на борту КРК, могли поддерживать связь с нанопылью даже из гиперсферы.

Капитан Шелтон наблюдал за дальнейшими событиями, используя личный канал мысленной связи с мнемониками. Благодаря их способностям он мог «видеть», что происходит в системе, откуда только что ускользнул «Антропос».

По всей вероятности секретная директива, внедренная в схемы управления кораблем, только что спасла экипаж КРК от неминуемой гибели, – три «Х-страйкера», не сумевшие предугадать внезапный маневр «Антропоса», разрядили пусковые ракетные шахты, а следовавшие за ними неопознанные веретенообразные объекты осветились частыми, режущими глаз вспышками от работы мощных генераторов плазмы.

---

⁴ Генераторы низкой и высокой частоты, – Для погружения в аномалию используются генераторы высокой частоты, для всплытия – низкой. Смысл их работы основывается на знании того, что гиперсфера – это область высоких энергий. Когда материальный объект (в частности космический корабль) создает поле высокой напряженности, возникает воронка гиперпространственного перехода, и его отторгает в область высоких энергий, то есть – в аномалию. Для всплытия необходим обратный процесс. Генераторы низкой частоты создают поле, не соответствующее окружающей энергетике, и гиперсфера стремится «вытолкнуть» несвойственный для нее объект в метрику трехмерного космоса.

Ракеты, равно как и плазмиды, прошли сквозь рассеивающее в пространстве облако нанопыли, лишь случайно уничтожив небольшое количество микродатчиков.

Генри Шелтон невольно поежился. Своевременное включение подсистемы действительно спасло корабль, развернуть электромагнитные щиты за те секунды, что оставались до массированного залпа плазмогенераторов, экипаж попросту не успел бы. Рекомендованное действие в сложившейся ситуации являлось единственным решением, способным спасти КРК от немедленного уничтожения.

Теперь неплохо бы выяснить, как следует поступать дальше... – подумал капитан, мысленно обращаясь к подсистеме, содержащей необходимые инструкции на этот счет. Действовать самостоятельно, на свой страх и риск, Шелтон считал неразумным, ведь он уже смог убедиться, что специалисты корпорации, не просто так внедрили в сеть корабля дремавшие до поры программные модули. Они знали с чем именно может столкнуться разведывательный крейсер, поэтому Генри решил, что будет неукоснительно придерживаться рекомендованных действий, по крайней мере до тех пор, пока не сможет установить связь и выяснить с чем же на самом деле пришлось столкнуться «Антропосу»?

Обратный переход завершен. Рекомендуемое действие?

"Поддерживать дрейф корабля в пределах первого энергоуровня гиперсферы, – пришел немедленный ответ на запрос. – Спецсредства энергетической поддержки, равно как и группы специалистов будут отправлены сразу по получении автоматически генерированного сигнала. Экипажу продолжать наблюдение за системой звезды, готовиться к процедуре стыковки в условиях гиперсферы".

Принял к исполнению. Могу я узнать, что за объекты пытались атаковать «Антропос»?

«Все пояснения получите от специалистов корпорации, капитан. Рекомендации исчерпаны. Ждите сеанса экстренной связи на гиперсферных частотах».

* * *

Система Неосигма-15. Центральный офис корпорации «Новый Свет»

Фредерик де Ритторен владелец и действующий президент корпорации «Новый Свет»⁵ был осведомлен о существовании секретной директивы и связанной с ней специальной подсистемы, внедряемой в глобальную сеть всех без исключения космических кораблей корпоративного флота, будь то огромный боевой крейсер или небольшой транспорт.

Теоретически он понимал, что повторная встреча состоится, рано или поздно, но прошло уже четыре года с момента памятных ему событий, а сигнала все не поступало, и проблема, казавшаяся ему архиважной, постепенно отошла на второй план, постепенно подернувшись дымкой забвения.

Сигнал пришел, когда его уже не ждали. Судя по полученному сообщению, настоящей, непоправимой беды удалось избежать благодаря предусмотрительности, – КРК «Антропос», проложивший безопасный маршрут для прохождения космических кораблей через зону высокой звездной плотности в границах шарового скопления О'Хара, вышел на его окраины и подвергся внезапной атаке неопознанных по основным базам данных объектов, сразу же после окончания гиперпространственного перехода, но вовремя отработавшая подсистема и реши-

---

⁵ Корпорация «Новый Свет» образовалась в 20-х годах тридцать девятого века, путем слияния семи небольших промышленных групп сектора Окраины. В отличие от старых корпораций сектора «Новый Свет» специализировался не столько на добыче полезных ископаемых и развитой тяжелой промышленности, сколько на разведке и освоении еще не изученных звездных систем. Отсюда, вероятнее всего, происходит название, взятое из истории древней Земли.

тельность действий капитана Шелтона спасли картографический крейсер от атаки и разрушения.

Приняв мнемонический доклад, Фредерик прервал совещание.

– Господа, все свободны. – Он жестом указал на дверь, одновременно приказывая и прося извинения за невольную бестактность. Подчиненные не роптали, подчинившись жесту, они знали, что де Ритторен не терпит промедления, когда им отдан недвусмысленный приказ.

Просторный кабинет опустел.

Действовать следовало быстро.

Оценив информацию, Фредерик затребовал расчеты, из которых стало ясно, что на границе двух метрик «Антропос» продержится не более восемнадцати часов, затем крейсеру придется либо всплывать в границах системы, либо уходить назад по сетке горизонталей.

– Резерв энергоносителей флота – приготовиться к экстренному погружению в аномалию. – Отдал он распоряжение по обычному каналу связи, зная, что его слова будут тут же переданы ответственным за исполнение приказа лицам. – Кораблям следовать по заданным координатам, осуществить контакт с КРК «Антропос» в условиях гиперсферы, произвести перезарядку накопителей крейсера и возвращаться на базу. К исполнению!

Мысленно переключив канал связи, он соединился со станцией ГЧ⁶ системы. Спустя некоторое время абонент межзвездной сети, которого вызывал де Ритторен, ответил:

– Шайгалов, слушаю!.. Почему нет видеоряда? Кто на связи?

– Приветствую, Николай Сергеевич. Это Фредерик де Ритторен. Работает плавающий канал ГЧ, изображения не будет.

– Долго будешь жить, Фредерик, не узнал тебя.

– Надеюсь на это. Дело срочное. Ты, наверное, уже понял, с чем связан вызов?

– Догадываюсь. Соблюдаешь договоренность? Молодец. Не зря за тебя Кирсанов поручился. Где?

– Скопление О'Хара. – Ответил де Ритторен. – Прямой горизонтали для прыжка к системе нет. Сложная в некоторых участках нестабильная сетка линий напряженности, курс проложен с двенадцатью промежуточными точками, пять из них без возможности всплытия, смена ведущих горизонталей в одной из узловых точек невозможна без навыков полуавтоматического пилотирования.

– Объект идентифицирован?

– По вторичному признаку. Обнаружены три «Х-страйкера», магнитные маркеры по данным сканирования совпадают с искомыми номерами, пытались атаковать КРК «Антропос». Шли в сопровождении трех десятков веретенообразных кораблей, вооруженных генераторами плазмы.

– Сведений по основному объекту нет?

– Пока нет. Картографический крейсер был вынужден совершить экстренное погружение в область аномалии, иначе ему угрожала гибель. Сейчас маневрирует на границе метрик, ведет наблюдение за системой посредством мнемонической связи с наномашинами, распыленными в пространстве. Я выслал резерв энергоносителей, для поддержки «Антропоса».

– Спасибо, Фредерик, ты все сделал как должно. Поверь это дорогого стоит. Действовать надо быстро и предельно эффективно. Поможешь с флотом?

– Не вопрос. Только что предпринимать? Я ведь ничего не знаю об объектах.

– Да, я это понимаю. Скажи, если пришли к тебе людей, ты сможешь в оперативном порядке переправить их на борт «Антропоса»?

– Сделаю. Что еще?

---

⁶ ГЧ – сокращенно «гиперсферная частота».

– Выдели ударную группу. Если вдруг что случится, я по любому не успеваю развернуть резерв флота. Речь идет о ближайших сутках.

– А как же оперативные группы Совета Безопасности Миров? Или подразделения постоянной готовности?

– Все очень зыбко Фредерик. Я не рискну действовать силами основных флотов, их лучше держать на местах, неясно, где находится основной объект. Тебе так же настоятельно советую организовать плотное прикрытие планет сектора. Сейчас главное, чтобы мои люди выяснили, где находится основной объект, и возможен ли контакт с ним по установленной нами схеме. Пока идет разведка, я подтяну резерв флота, и твои корабли смогут вернуться к местам постоянной дислокации. Сделаешь?

– Сделаю, Николай. Долг платежом красен.

...

Переговорив с незримым абонентом, де Ритторен сделал еще один вызов.

– Иван Андреевич?

– Да это Кирсанов, слушаю.

– У меня ЧП. Похоже, КРК «Антропос» нарвался на артефакт.

– Уверен?

– Более чем. Хотя сам объект пока не обнаружен.

– Доложил уже?

– Да.

– И что наш разлюбленный штаб флота? – В тоне Кирсанова прорвалась плохо скрытая досада.

– Разговаривал с Шайгаловым. Адмирал настроен решительно. Будет операция по зачистке, как минимум силами одной эскадры.

– Совсем одурели... Ну что Эригона им мало?!

– Не знаю. Ты можешь что-то изменить?

– Войсковую операцию точно остановить не смогу... Слушай, ты ведь все знаешь. И понимаешь последствия не хуже меня, надеюсь?

– Однозначно. Только никто даже сейчас не станет слушать ни тебя, ни тем более ее... сам понимаешь, некоторым чинам легче пожертвовать флотом, чем отказаться от собственных выводов. Кстати, как она?

– Держится. Мы, к сожалению, сейчас не вместе. Отпустил ее на пару дней, подышать чистым воздухом, отдохнуть и от меня, и от постоянной нервозности. Да и Саша что-то сдавать начал. Короче она на Дионе, он к родителям полетел, с моего согласия, разумеется.

– Некстати как... Ладно придумаю что-нибудь.

– Времени у нас сколько? До начала операции?

– Двое суток.

– Тогда Фредерик, вся надежда на тебя. Доставь нас на борт «Антропоса».

– И что думаешь делать?

– Вопросов глупых не задавай. Сам знаешь, что... Тебе ведь Шайгалов наверняка посоветовал флот держать на привязи, оборонять планеты?

– Да.

– Вот и держи. На тот случай, если мы не справимся.

– Кроме особых указаний командиру «Антропоса» и доставки вас к месту события, моя помощь нужна?

– Чем оснащен КРК? В плане аэрокосмической техники?

– «Х-страйкеры». Два звена.

– Полный автомат?

– Да.

– Не годится. Нужны пилоты, опытные, желательны мнемоники. Вероятно, придется осуществлять прорыв к планете. Есть что-то мощнее «Х-страйкеров»?

– Есть. Перекину туда эскадрилью «Ифритов» – новейшая разработка. Думаю, они идеально подойдут под наш случай. Оборудованы генераторами «Вуали»⁷ и созданным на ее основе «активным щитом»⁸.

– Хорошо. – Согласился Кирсанов. – Тогда начинаем действовать. Немедленно. Понимаю, Фредерик, по шерстке тебя никто не погладит, но выхода у нас нет. Либо мы сами «малой кровью», либо такое начнется... Первая Галактическая покажется просто дракой между двумя деревьями.

– Понимаю. Потому и вызвал. Ладно, все, задачи ясны, буду действовать. Жди, за тобой прилетят.

– Спасибо Фредерик.

– Спасибо потом я тебе скажу. Когда все закончится. А то Шайгалова благодарил, а в уме тебя держал, Иван Андреевич. По правде ведь не он, а ты меня тогда из трибунала Совета Безопасности вытащил.

– Не поминай лиху, Фредерик, пусть себе посапывает пока. Ладно, уже не о том говорим. Жду твоих ребят. До связи.

Коммуникационный канал отключился, а Фредерик де Ритторен еще некоторое время сидел в глубокой задумчивости.

Вот ведь как бывает в жизни. А говорят все зло от промышленных групп Окраины...

– Селиванова ко мне. – Словно очнувшись, произнес он в глухую, настороженную пустоту кабинета. – И выяснить, где живут родители Александра Трегалина. Он нужен мне срочно.

– Насколько срочно, сэр? – Осведомился приятный голос кибернетической системы, осуществляющей передачу распоряжений названным абонентам.

– Срочно – это вчера. – Машинально ответил де Ритторен.

– Не распознанная формулировка...

– Приказ передай!.. А за толкованием – к лингвистам. – Фредерик встал и вдруг понял – а идти-то некуда. И суетится ни к чему. Сейчас только три человека могли повлиять на ситуацию, не прибегая к мощи Конфедеративного флота, но рискуя, смертельно рискуя собой.

Все трое уже задействованы. Приказ на поддержку «Антропоса» отдан. Остальное вторично. Можно без спешки. Хоть сегодня, хоть завтра, потому что де Ритторен в данный момент являлся одним из немногих, кто понимал: если сорвать лавину противостояния с иным разумом, то понятие «завтра» может утратить смысл.

* * *

Эригон. 3851 год галактического календаря. За четыре года до освещенных выше событий...

---

⁷ Логрианские генераторы «Вуали» Компактные устройства, искривляющие метрику пространства. Изобретены Логрианами, использовались для глобальной маскировки объектов физического космоса в период нашествия Предтеч. При установке на корабль, генератор «Вуали» после включения полностью скрывает объект от визуального и сканирующего обнаружения, демонстрируя приборам лишь слабое возмущение гравитационного поля.

⁸ Генератор активного щита – один из узкоспециализированных вариантов генератора «Вуали». Искривляет световой поток, замыкая корабль в кокон энергетической защиты. Световой поток (и его постоянная накачка) должны исходить с борта защищаемого корабля. В результате накопления световых частиц, удерживаемых генератором в форме множественных кольцевых потоков, любое физическое тело, пытающееся пройти через такую защиту, испытывает на себе воздействие высоких энергий, что в большинстве случаев приводит к разрушению объекта-нарушителя. Наиболее характерные случаи применения – противодействие насильственной стыковке (проще говоря, – абордажу) предотвращение столкновений с метеоритными и астероидными телами. Недостатки: Огромное потребление энергии. Медленное затухание созданного работой генератора энергетического кокона (корабль не может двигаться до его полного рассеивания в пространстве).

Суровая планета. На вид коварная, холодная, безжизненная.

Когда смотришь на обзорные экраны суборбитального челнока, то хочется мысленно поежиться от холода. Внизу видеодатчики показывают бескрайние ледники, над которыми ветер гонит поземку из крупинки снега и кристалликов льда.

Трудно, почти невозможно представить, как люди на заре Великого Исхода сумели освоить столь негостеприимный мир с суровым климатом и повышенной (относительно Земного Эталона) гравитацией.

Впрочем, у первых поселенцев не существовало выбора – колониальные транспорты эпохи Первого Рывка не имели возможности к повторному погружению в гиперсферу, и людям приходилось принимать существующее положение вещей.

Перед стартом из Солнечной системы им обещали теплые, райские планеты, но реклама в большинстве случаев оборачивалась ложью, – своенравная гиперсфера выбрасывала колониальные транспорты вовсе не в тех точках пространства, которые предполагал исходный план полета.

Наверное, они испытывали ужас... – думал Александр, глядя на увеличенное изображение фрагмента ледника, где по воле ветра перемещались ажурные растения, похожие на перекати-поле.

Одна из немногих форм растительной жизни планеты. Существовали еще мхи и лишайники, ютящиеся на свободных от снега и льда отрогах скал. Говорят, на глубине нескольких километров под панцирем ледников, так же существует жизнь. Трегалин, к примеру, слышал, что тонкая прослойка у основания ледника, там, где массы льда соприкасаются с корой планеты, содержит множество естественных пещер, в некоторых даже существуют озера теплой пресной воды, – именно в них сосредоточено до девяноста процентов микроскопических жизненных форм планеты. Бактерии, водоросли, микроорганизмы, – вот источники кислорода, позволившие выжить колонистам, высадившимся на Эригон в 2231 году с борта одноименного транспорта.

На поверхности ледника условия для жизни людей неприемлемы. Здесь царят постоянные морозы, воздух разрежен, стужа и метели, отсутствие доступа к полезным ископаемым, невозможность к ведению сельского хозяйства, – все это перечеркивает саму надежду на выживание...

Колонистам пришлось решать множество проблем. Машины не могли приступить к постройке типового цоколя⁹ – для этого поверхность ледников была слишком ненадежна, и единственным выходом для трехсот тысяч поселенцев стало продвижение вглубь ледников.

Благо лед, – это не скалы, и проложить многокилометровые тоннели сквозь скользящий планету панцирь оказалось не так уж и сложно.

Первые поселения Эригона возникли на глубине четырех с половиной километров от поверхности ледника. Цепь огромных естественных пещер, где имела пресная вода и существовала микрожизнь, стала для колонистов шансом к выживанию.

Так возник первый подледный город планеты: машины, используя материалы, предназначенные для строительства «цоколя», укрепили стены и своды трех десятков пещер, изолируя массы льда от повышенной температуры вновь образованных поселений, возводя внутри

---

⁹ Типовой Цоколь – Во времена Великого Исхода существовала отработанная схема организации первичных поселений колонизируемых планет. Сразу после посадки колониального транспорта на избранную планету, начинала свою работу планетопреобразующая и строительная техника. На месте посадки (стерилизованной от искожных форм жизни колонизируемой планеты) машинами инициировалось строительство Цоколя – многокилометрового основания будущего города. Внутри Цоколя располагались системы жизнеобеспечения, реактор, очистные сооружения, цеха по производству необходимых для дальнейшего строительства машин и материалов. Пробуждение людей начинается после завершения работ по возведению Цоколя. Известен целый ряд планет, где при успешно возведенном Цоколе пробуждение колонистов так и не состоялось. Есть примеры частичного выполнения запланированных работ с тем же трагичным исходом.

естественных полостей герметичные сооружения, где могли жить люди, не рискуя при этом пострадать от контакта с микрофлорой подледных уровней.

Пресная вода, кислород, и немного свободного пространства, для формирования почвенного слоя и культивации земных растений при искусственном освещении, – вот то немногое, что, в конечном итоге, позволило выжить потомкам первых поселенцев, создавшим целую сеть уникальных городов, расположенных в многокилометровой тоще сковывающего планету ледника.

Теперь, спустя полтора тысячелетия после появления людей, Эригон, переживший расцвет сразу после Первой Галактической, постепенно приходил в упадок: его население постоянно сокращалось, – в Обитаемой Галактике было открыто множество миров с более «щадящим» климатом, и подледные города постепенно, век от века пустели.

Планете всерьез прочили стать огромным памятником Экспансии, – уникальные подледные города постепенно переходили в собственность туристических фирм, организующих увлекательные туры по знаменитым на всю Обитаемую Галактику подледным пещерам, где свет от специально расположенных в толще ледниковых масс источников, проходя через километровые пласты прозрачного льда, вдруг распадался на спектральные полосы, создавая непередаваемые по своей красоте и разнообразию визуальные эффекты: как будто жидкий огонь всех мыслимых цветов и оттенков причудливо плавал в воздухе, то медленно смешиваясь, то «взрываясь», брызжа из отдельных ледовых глыб...

* * *

Эригон. Коммерческая зона Трекорт-Сити, столичного города планеты.

Герда Клейн редко бывала в своем офисе. Основные производства небольшой (по меркам Обитаемой Галактики) добывающей компании располагались за десятки тысяч километров от существующих в современности подледных городов планеты, все партнеры «Эрголайна» являлись жителями иных миров, так что в офисе по большей части хозяйничала комплексная кибернетическая система.

Герда заходила сюда только по необходимости, предпочитая проводить большую часть времени в подледных пещерах северного полушария планеты, где базировались нефтедобывающие установки.

Сегодня она провела очередной сеанс межзвездной связи, разобрала накопившиеся (требовавшие ее непосредственного внимания) документы и теперь размышляла над некоторыми перспективами своего бизнеса.

Было девять часов утра, техническое обслуживание ее флайбота завершиться только к половине десятого, так что торопиться некуда. Она скользила взглядом по обстановке помещения думая о том, что утро на Эригоне – понятие относительное. Искусственное освещение подледных городов функционирует круглые сутки, а волна туристического бизнеса, в последние десятилетия захлестнувшая планету, изменила ритм жизни опустевших поселений, отданных на откуп десяткам инопланетных туроператоров. Если раньше освещение гасили, придерживаясь графика смены дня и ночи, то теперь, как проснулся, так и утро...

...Когда мелодичный, похожий на звон старинного колокольчика сигнал предупредил Герду о неожиданных визитерах, она как раз собиралась уходить.

Посмотрев на голографический монитор подсистем, она увидела двух инопланетников, – пожилой мужчина в сопровождении охранника, – наверняка заблудились, в поисках нерадивой турфирмы, не приславшей гида ко времени посадки орбитального челнока.

Инопланетников Герда не любила, и скрывать своего отношения к ним привычки не имела. Правда несколько лет успешного бизнеса научили ее быть чуть более терпимой и сдер-

жанной, не так грубо выражая свои фобии, поэтому, получив визуальное предупреждение от следящих за входом систем, она постаралась придать лицу нейтральное выражение.

Дверь офиса бесшумно скользнула в сторону.

– Добрый день. – Пожилой мужчина переступил порог, тут же obeжав взглядом помещение, и спросил: – Мы ищем представительство компании «Эрголайн».

Клейн удивленно приподняла бровь.

– Вы не ошиблись?

– В смысле?

– «Эрголайн» не туристическая фирма!

– Вообще-то я в курсе. Добыча полезных ископаемых, верно?

– Да... – Герда все еще пребывала в замешательстве, не зная как ей поступить. – Но, откровенно говоря, я не ожидала посетителей!.. Нет, это определенно недоразумение. Наверное, вы перепутали, на Эригоне наверняка есть фирмы с созвучными названиями...

Она явно, недвусмысленно желала закрыть вопрос и отправиться по своим делам.

– Герда Клейн? – Незнакомец по-прежнему стоял, едва переступив порог, оставив охранника вынужденно топтаться в коротком коридоре.

Девушка вопросительно приподняла бровь, затем вздохнула и ответила:

– Да. Меня зовут именно так. Но разве мы знакомы?

– Не лично. – Успокоил ее негаданный посетитель. – Но у нас есть общие друзья на Элио. Я – Иван Андреевич Кирсанов. Археолог. – Отрекомендовался он, – Представляю интересы института галактической археологии Элио. Наш общий знакомый – Дейвид Фрамер, – весьма лестно отзывался о вас, мисс Клейн. У меня имеется послание от него, – с этими словами Иван Андреевич протянул Герде крохотный микрочип.

Нельзя сказать, чтобы она пришла в восторг. Во-первых, Фрамера-старшего, эксперта экзобиологических лабораторий Элио она знала не так близко, как пытался обрисовать неожиданный посетитель, но с сыном Дейвида у нее действительно были тесные партнерские отношения в бизнесе. Во-вторых, Герда не могла сообразить, что вдруг понадобилось археологу на скованном льдами Эригоне, и, в-третьих, она *уже* торопилась, не имея ни малейшего желания тратить драгоценное время на беседу с инопланетниками.

– Что вам нужно конкретно от меня? – Напрямую спросила она.

– Вставьте чип в кибстек. – Спокойно попросил ее Кирсанов.

Герда поморщилась, но все же вняла его словам.

Минуту в офисе царила тишина – сообщение, считанное наручным компьютером, транслировалось через порт удаленного доступа импланта непосредственно в рассудок Герды.

– Итак, вам требуется мое содействие? – Спросила она, продолжая хмуриться, что вовсе не красило ее, впрочем, Клейн подобные мелочи не смущали, она вела себя естественно, не пытаясь скрыть или сгладить эмоции.

– Мы с помощником не обременим вас. Знакомьтесь, мисс Клейн, – это Александр Трегалин, он мнемоник.

Человек, которого Герда поначалу приняла за телохранителя при богатом туристе, сделал шаг вперед, выступив из-за спины археолога.

Настоящего мнемоника девушка видела впервые и потому не смогла избежать некоторой заминки. Ее взгляд, коснувшись черт лица незнакомца, не нашел в его облике ничего особенного, выходящего из ряда вон.

А что ты ожидала увидеть? – Мысленно одернула себя Герда. – *Две головы вместо одной? Или еще что-нибудь?*

– Извините... – Она отвернулась, пряча смущение.

– Ничего страшного. – Александротреагировал спокойно. – Я уже привык, что во мне пытаются разглядеть нечто особенное.

– Вернемся к делу. – Пришел им на выручку Кирсанов. – Мы бы обошлись своими силами, не тревожа вас, но условий для длительного проживания в северном полушарии не смог предоставить ни один из действующих на Эригоне туроператоров. А нам непременно необходимо попасть туда.

– Условия проживания на буровых очень далеки от понятий комфорта. – Выложила Клейн свой единственный аргумент. Она по-прежнему была не в восторге от намечающихся перспектив. Мало того, что Герда не терпела посторонних в районах нефтедобычи, но за этих двоих еще и отвечать придется¹⁰. Инопланетники, как никак.

Ее сомнения развеял Иван Андреевич:

– Я знаю, что условия проживания на буровых отличаются от стандартов пятизвездочного отеля. Но археологи – люди неприхотливые, поверьте. К тому же вам не придется отвечать за нашу безопасность – по плану экспедиции мы покинем район нефтедобычи, и будем проводить изыскания вдали от частных территорий. В том случае, конечно, если вы согласитесь помочь нам с кое-каким оборудованием. Я готов заплатить наличными.

– Точнее? – Осведомилась Герда. – О каком оборудовании идет речь?

Деньги ее, похоже, не интересуют. Иначе бы спросила «а сколько я получу»?

– Нам нужен тоннельный вездеход¹¹, стандартное для Эригона спелеологическое снаряжение, запас воды и пищи на две недели. Вот, пожалуй, все. Оплата, как я сказал, будет произведена немедленно.

– Присаживайтесь. – Герда, наконец, приняла окончательное решение и указала на свободные кресла. Хотела она того или нет, а деваться некуда, придется помочь. Ричард Фрамер недвусмысленно просил оказать услугу другу его отца. Деньги здесь действительно играли второстепенную роль.

– Один вопрос, господин Кирсанов. Номинально вы предоставлены самим себе, как только покидаете границы принадлежащих мне пространств. Но хотелось бы знать, кто на самом деле будет отвечать за вашу безопасность? Подледные лабиринты коварны, а я не смогу выделить вам проводников. Признаться честно, на буровых установках сейчас вообще нет персонала из числа людей. Только кибернетические системы.

– Мы справимся. – Успокоил ее Кирсанов. – Эригон далеко не первая планета в списке моих экспедиций. К тому же Александр, – Иван Андреевич кивнул в сторону Трегалина, – прекрасный альпинист и спелеолог. Мы не станем для вас обузой. – Повторил он. – Помогите добраться до северных широт и попасть на границу между ледником и корой планеты. Далее мы произведем самостоятельные изыскания, вдали от буровых площадок.

– Ну, хорошо. – Герда согласилась, понимая, что выхода у нее нет, – отказать своему проверенному партнеру по бизнесу в небольшой личной просьбе она не могла. – Какое еще оборудование может понадобиться? Подумайте об этом сейчас.

– Только вездеход, способный прокладывать тоннели в толще льда. – Ответил Кирсанов. – Все необходимые приборы мы привезли с собой, разве что парочку универсальных разведывательных механизмов нам подкинете?

– Без проблем. – Ответила девушка. – Этого добра на буровых хватает. Сколько времени вам нужно на сборы?

– Нисколько. Все оборудование компактно и уместилось в двух рюкзаках.

– То есть, вы готовы выехать немедленно? – Она отыскала взглядом два объемистых дорожных кофра, оснащенных лямками для крепления на спину и неизменными для Эригона устройствами компенсации тяготения.

---

¹⁰ По законам планеты Эригон, за всякого жителя иного мира попавшего на частную территорию, несет ответственность хозяин подледных коммуникаций.

¹¹ Тоннельный вездеход – чисто эригонский термин. Обозначает машину, способную прокладывать во льду тоннели при помощи лазерных установок теплового спектра.

– Верно. – Кивнул Иван Андреевич, неожиданно улыбнувшись.

* * *

Красот подледных городов Эригона они не увидели, – путь от офиса «Эрголайна» до стартовых площадок внешнего космодрома вел по наклонному тоннелю, проложенному в стороне от туристических маршрутов, но спутников Герды, похоже, вовсе не интересовали традиционные достопримечательности.

За время пути они едва ли перекинулись парой слов, и только после того, как багаж археологов переключался в грузовой отсек флайбота с эмблемой нефтедобывающей компании на борту, Герда, заняв место пилота, предупредила:

– Пристегнитесь к креслам и не вздумайте вставать во время полета.

Ее пассажиры вели себя сдержанно. Излишнего любопытства или назойливости не проявляли, между собой тоже почти не общались, советам и распоряжениям следовали буквально. Такая дисциплинированность говорила Герде о многом. По крайней мере, она убедилась: оба археолога действительно понимают, что перелет за тысячу километров над ледниками планеты, – вовсе не увеселительная прогулка.

Подняв флайбот в воздух, Клейн некоторое время была занята. Контролировать действия автоматики вошло в разряд бессознательных привычек, – техника на Эригоне отказывалась часто, не смотря на то обстоятельство, что заводы-изготовители адаптировали продаваемые модели под местный климат и гравитацию, но уникальной специфики сложения «негативных факторов» все равно никто до конца учесть не мог. Сильные порывистые ветра при полуторной гравитации (относительно Земного Эталона) и пятидесятиградусном морозе зачастую выводили из строя самые надежные механизмы.

В пассажирском отсеке флайбота сразу после старта воцарилась ватная тишина, на информационно-обзорных экранах видимости почти никакой, – снаружи бесновалась снежная буря, и лишь изредка в поле зрения внешних видеодатчиков попадали смутно очерченные контуры ледовых пиков.

Примерно через четверть часа, когда флайбот поднялся выше слоя облачности, Клейн включила автопилот, и развернула кресло, посмотрев на пассажиров.

Трегалин дремал, Кирсанов неотрывно смотрел на экраны, куда транслировалось изображение облачных замков, освещенных ярким, но не греющим полуденным солнцем.

– Как самочувствие? – спросила Герда.

Иван Андреевич оторвал взгляд от экранов. Его сухощавое лицо, покрытое бронзовым космическим загаром, не отражало ни восторга, ни подавленности – двух чувств, которые попеременно овладевали большинством попавших на Эригон туристов.

– Спасибо, все в порядке. Мы запаслись локальными компенсаторами тяготения, так что – особых неудобств лично я не испытываю.

– Вопрос можно?

– Конечно.

– Мне не совсем понятно, что делают археологи на Эригоне? А тем более на территории северного материка, ведь там никогда не существовало колониальных поселений.

– А мы с Александром не занимаемся историей поселений времен «Великого Исхода». – Ответил Кирсанов. – Эта эпоха уже достаточно полно изучена поколениями наших предшественников.

– Тогда я совершенно ничего не понимаю. – Нахмурилась Герда, отчего у нее на лбу образовались две едва приметные вертикальные морщинки. – Эригон – мертвый мир. Вернее – почти мертвый. Жизнь здесь скудна, представлена в основном простейшими микроскопиче-

скими формами. От их жизнедеятельности могла образоваться нефть, что добывает моя компания, но какие *археологические* находки вы рассчитываете тут совершить?

Иван Андреевич на минуту задумался. Он размышлял над тем, стоит ли скрывать истинные цели своего визита на Эригон?

Пожалуй, большого смысла в скрытности нет. Всякий, кто интересуется историей, планетологией и хоть немного разбирается в биологии, может спокойно придти к тем же выводам, что сделал я. – Мысленно рассудил он. – Почему раньше нечто подобное не пришло никому в голову? – Спросил себя Кирсанов и сам же ответил: – Не до того было. Поселенцы боролись за выживание, затем Эригон начал стремительно пустеть, век от века сокращая численность своего населения. Да и рука первой Конфедерации Солнц чувствуется, – Эригонский кризис, когда из-за контроля над данной звездной системой едва не столкнулись в вооруженном конфликте Окраина и Центральные Миры Обитаемой Галактики, пробудил историю, которая древнее нашей, человеческой... Неудивительно, что цепь открытий, начавшаяся именно тут, в свое время легла под гриф «секретно»¹². Сколь ни парадоксально звучит, но теперь, когда история древних рас стала всеобщим достоянием, до Эригона вновь никому нет дела, – сколько за последние десятилетия открыто миров, куда более информативных и захватывающих, чем ледяной шарик и его покрытые все теми же льдами луны?... Да без счета. Одно скопление О'Хара чего стоит. Не удивительно, что Эригон с его тайнами оказался позабыт в потоке новейших исторических открытий.

– Мисс Клейн... – Наконец произнес Кирсанов. – Вот вы занимаетесь добычей нефти. А как она образуется, знаете?

– Конечно. – Герда улыбнулась краешком губ. – У основания ледников, на границе с корой планеты много пресноводных озер в естественных пещерах. Там живут микроорганизмы. Из массы отлагающейся на дно органики в конечном итоге и получается нефть.

– Не совсем так. – Остановил ее Иван Андреевич. – Дело в том, что вы сильно упрощаете процесс, и сокращаете его во времени. Позвольте, я поясню: действительно теплые воды и обитающие в них представители микрофлоры и микрофауны – это предпосылки для образования нефтяных месторождений, но масштаб озер тут не подходит. Нужны океаны, – первобытные океаны планеты, на которой жизнь начинает свои первые шаги, тогда действительно примитивные микроорганизмы получают возможность безудержно плодиться в мутных, теплых водах и так же быстро умирать, исполнив свой немудреный жизненный цикл. Их микроскопические тела, незримые для нашего глаза, опускаются на дно и отлагаются *миллионами тонн* органических наслоений.

Часть из них, вместе с водами теплого океана, – продолжил пояснять Кирсанов, – просачиваясь сквозь трещины материковых пород, заполняет скрытые полости планетной коры, где из органических отложений под действием давления и высокой температуры недр, на протяжении миллионов лет образуется нефть.

– Вы что-то путаете. – Ответила Герда, выслушав археолога. – Может быть именно так происходит на других мирах, но Эригон всегда был холодной планетой, где вода в подавляющем большинстве случаев – это лед.

– Не всегда, – покачал головой Иван Андреевич. – Если предположить, что Эригон на протяжении всей своей геологической истории был покрыт панцирем льда, откуда в атмосфере планеты появился высокий процент кислорода? Будь ваша родина мертвым, покрытым льдами шаром, вы бы никогда не нашли тут нефти, уже поверьте моему опыту.

– Что вы хотите этим сказать? – Герда посмотрела в сторону Кирсанова, не скрывая своего удивления и некоторой настороженной предвзятости.

---

¹² Об инциденте на Луне-17 – покрытом льдом спутнике Эригона повествуют события романа «Галактический Вихрь»

– Эригон когда-то был теплой планетой, которую сплошь покрывал океан. – Ответил Иван Андреевич, проигнорировав брошенный на него взгляд. – Так же как и самый большой спутник – Луна-17.

После слов археолога на некоторое время наступила тишина. Герда обдумывала услышанное, делая вид, что ее внимание поглощено управлением, хотя по индикации пульта было понятно – флайбот движется под контролем автопилота.

– Вы полагаете, случилась катастрофа? – Наконец переспросила она, проявив гораздо больше заинтересованности древнейшей историей родной планеты, чем можно было предположить, составив поверхностное суждение об ее наклонностях и интересах.

– Да, – ответил Иван Андреевич и тут же пояснил: – Но я не думаю, что катастрофа носила естественный, природный характер. Вам ведь известно, что на Луне-17 в древнем схроне был обнаружен фотонный сверхкомпьютер расы инсектов, который изначально управлял Сферой Дайсона, а затем, когда цивилизация насекомоподобных существ вступила в схватку с ордами Предтеч, его эвакуировали сюда, в специально оборудованный бункер на Луне-17?

Герда повернулась вместе с креслом внимательно посмотрела на Кирсанова и ответила:

– Да я слышала об этом. Хотя информация, касающаяся «Интеллекта» (так называли сами инсекты созданный ими фотонный аналог мозга) весьма скудна, даже скажу – противоречива.

Ее ответ заставил Ивана Андреевича по другому взглянуть на Герду. Что уж таить – на Эригоне осталось очень мало коренных жителей, и в основном это были либо неудачники, либо лентяи, приноровившиеся жить за счет богатых туристических фирм. Кирсанов даже не думал, что на планете остались еще и патриоты своего мира, – люди, чьи способности открывали им путь на более благополучные, комфортные миры, но, тем не менее, оставшиеся тут.

– Да, соглашусь с вами, о фотонном компьютере Инсектов мы до сих пор знаем недостаточно. – Кирсанову стал интересен разговор с Гердой, он увидел в ней благодарную собеседницу, чего было вполне достаточно. – Зато нам доподлинно известно, что насекомоподобные существа сумели построить Сферу Дайсона – исполинский искусственный мир, внутри которого заключена их родная звезда. – Продолжил развивать свою мысль Иван Андреевич. – Для строительства Сферы они использовали материал планет своей родной системы и уникальнейшие технологии космического масштаба. Как вы считаете, Инсектам приходилось двигать миры, в процессе создания Сферы Дайсона?

– Наверное... – Подумав, ответила Герда. – Я не совсем представляю, надо ли перемещать столь крупные объекты?

– Могу сказать уверенно – надо, и не «наверное», а наверняка. – Заверил ее Кирсанов. – Нам известно, что раса насекомоподобных существ доставляла к месту строительства объекты планетарного и лунного масштабов, перемещая их с периферии родной звездной системы к орбите ее четвертого спутника. Но подвижка планеты дело далеко непростое, такая попытка без тщательной подготовки и многих предварительных экспериментов может привести к катастрофе, последствия которой могут оказаться непоправимы. Однако, сейчас уже в точности известно, что при строительстве Сферы инсектам удалось избежать глобальных аварий или катастроф. Все деструктивные процессы, превращающие огромные миры в строительный материал, то есть попросту дробящие их на крупные обломки, проводились в строгом соответствии с расчетами. А это в свою очередь означает, что прежде чем приступить к строительству Сферы, Инсекты оттачивали технологию подвижки планет, и гравитационного взаимодействия крупных объектов в иных звездных системах.

Герда с трудом верила услышанному. Конечно, она была достаточно умна, чтобы понять логику рассуждений пожилого археолога, но раньше ничего подобного ей не приходилось ни

читать, ни слышать и потому информация воспринималась на эмоциональном уровне *откровения*.

– Хотите сказать, что Эригон в свое время стал одним из «подопытных» миров?! – Невольно вырвалось у нее, вопреки обычной сдержанности.

– А разве сам факт существования гиперпространственного тоннеля, соединяющего Сферу и Луну-17, обращающуюся вокруг Эригона, не свидетельствует, что разумные насекомоподобные существа посещали эту систему и вели здесь определенные работы? – Азартно, как человек, увлеченный своей идеей, подзадорил ее Кирсанов.

Энтузиазм Герды внезапно иссяк. Она взглянула на обсуждаемый вопрос с иного ракурса:

– Чудовищно... – Произнесла она. – Выходит, своими экспериментами Инсекты погубили биосферу Эригона, превратили планету в сплошной ледник, ради испытаний своей технологии? Неужели для этого нельзя было выбрать какой-нибудь безвоздушный планетоид?

Иван Андреевич не думал, что общаться с девушкой будет так интересно, – кто мог предугадать, что ее реакция заставит его на пару минут переквалифицироваться в адвокаты...

– Не забываете, мисс Клейн – ни одна из древних рас не смогла изобрести компактный гипердрайв. – Ответил он на ее обвинение. – Да, Инсекты и Логриане пользовались стационарными гипертоннелями, но для их создания представителям древних цивилизаций приходилось хотя бы однажды преодолевать межзвездные расстояния, двигаясь в трехмерном континууме. А это требует многолетних перелетов, так что они поневоле использовали те системы, что располагались недалеко от их родной звезды.

Герда кивнула. Она знала, что кроме всего прочего доисторическому миру постоянно угрожали предтечи¹³, и масштабы борьбы за выживание действительно не предполагали, что кто-то станет заботиться о планете, не заселенной разумными существами. Когда взрывались звезды, гибли или мигрировали цивилизации, такая мелочь, как замерзший океан, никого не волновала.

– А разве технология подвижки планет не известна человечеству? – Нарушив возникшую в разговоре паузу, спросила Герда, одновременно попытавшись перевести разговор в немного иное русло, чтобы иметь возможность свыкнуться с мыслью о том, что ее родной мир когда-то был покрыт теплым океаном вместо вечного ледника.

– Известен ее принцип, но не детали. – Ответил Иван Андреевич. – В общем-то, нам ни к чему ее применять. Но в «копилке знаний» подобное ноу-хау не повредит.

– Так вот значит, что вы надеетесь тут найти... Действующую установку, верно?

Кирсанов пожал плечами.

– Вряд ли можно всерьез рассчитывать на обнаружение целой установки. – Ответил он. – Пока что я ставлю перед собой задачу поскромнее, – отыскать неоспоримые признаки деятельности расы инсектов и доказать, что именно они подвинули планету, превратив теплый океан Эригона в исполинский ледник. По моим предположениям под панцирем льда должно остаться множество следов пребывания насекомоподобных существ.

– Признаться, я даже не задумывалась, что Эригон может иметь такую древнюю историю. – Произнесла Герда. – Вы меня удивили.

---

¹³ Предтечи – стуски газообразного вещества (предположительно холодной плазмы, отчего появилось второе название – плазмоиды), заключенного в кокон электромагнитного поля, с явно выраженным центральным ядром, которое несет неразгаданную пока структуру. Обитали в пространстве. Считаются одними из немногих представителей «космической жизни», так как способны размножаться путем деления. Питаются любым доступным веществом, включая межзвездную пыль, мелкие астероиды, кору планет. В цистовом состоянии напоминают спущенный футбольный мяч. В активной жизненной фазе испускают напряженное фиолетовое сияние, могут достигать в диаметре до нескольких десятков метров. Агрессивны. Не являются носителями разума. Около трех миллионов лет назад миграция предтеч уничтожила расу Дельфионов и вынудила расы Инсектов и Логриан бежать в границы шарового скопления О'Хара.

Кирсанов лишь понимающе усмехнулся в ответ. В его мимике сквозило добродушие, и даже одобрение, – откровенно говоря, он не ожидал встретить в лице Герды Клейн столь благодарного и заинтересованного собеседника. По данным, которыми располагал институт археологии Элио, коренное население Эригона после многих веков эмиграции на более теплые миры, сократилось до десяти-пятнадцати тысяч человек. Все, кто подавал надежды, имел возможность и желание к самореализации, давно покинули планету, а те, кто остались, не блистали особыми талантами. Часто их удерживали сами туристические фирмы, выплачивая высокие социальные пособия или принимая эригонцев на работу с завышенными окладами, ведь для туристического бизнеса экзотическая планета без колорита коренных жителей теряла часть привлекательности.

Обычно уроженцы Эригона не блистали красотой – низкорослые, коренастые, с грубыми чертами лица они мало соответствовали общепринятым эталонам привлекательности.

Глядя на Герду, было трудно поверить, что она родилась тут, среди вечных льдов при повышенной гравитации.

Умная молодая особа, рост выше среднего, черты лица если и грубоваты, то едва заметно, чуть-чуть, что придавало ее облику особый шарм, некоторую загадочность.

Наверное, один из ее родителей с другого мира. – Подумал Иван Андреевич. – *Тогда почему она так не любит жителей других планет?*

Может быть, дело в каком-то туристе, соблазнившем ее мать, а затем исчезнувшем?

Скорее всего, я никогда не узнаю этого, – решил про себя Кирсанов.

Пока он размышлял, Герда задала очередной вопрос:

– А почему вас заинтересовало именно северное полушарие?

– Неисследованная область, – лаконично ответил Иван Андреевич. – Южное полушарие достаточно хорошо изучено за период полутора тысячелетней истории человеческих поселений, а вот север – нет. Насколько я понимаю, до вас никто не основывал форпостов в этой части Эригона?

– Да, «Эрголайн» стал в этом смысле фирмой-первопроходцем. – Согласилась девушка. – Впрочем, поколениям моих предков не было никакого дела до глубинной разведки недр, вся энергетика изначально основывалась на установках термоядерного синтеза. Что касается полезных ископаемых, то, в плане металлов, месторождений хватает в районе подледных городов, так что организовывать дальние экспедиции было ни к чему. Колония даже в годы своего процветания не превышала по численности полумиллиона человек, отсюда и достаточно скромные потребности в ресурсах.

– Понятно, – кивнул Кирсанов. – Вы приятная собеседница, мисс Клейн. И, как мне кажется, – большой патриот своего мира.

– Да, я люблю Эригон. – Герда, наконец, позволила себе улыбнуться, преодолевая внутренние предубеждения. Кирсанов показался ей добродушным, вежливым, умным, а главное – он не задавал лишних вопросов и не поглядывал свысока или искоса, как большинство туристов, чем невольно располагал к себе.

– В свое время я мечтала вырваться с Эригона. – Неожиданно призналась Клейн, – и даже пыталась завербоваться в ВКС Конфедерации, но, побывав на других мирах, я слишком быстро и остро поняла, что моя родина здесь.

– Вот как? Вы служили во флоте? – Искренне удивился Кирсанов

– Нет. Не прошла отбор. Попросту не выдержала первых месяцев подготовки. – Она повернула голову, взглянула на приборы, и произнесла, видимо желая прекратить беседу:

– Извините, мы уже на подлете. Пора начинать маневрирование перед снижением. Оставайтесь пристегнутым и разбудите вашего спутника.

* * *

Маневр снижения прошел в штатном режиме.

Трегалин проснулся от легкого прикосновения руки, будто и не спал вовсе, а постоянно находился настороже.

Оно и понятно. Мнемоник все-таки.

– Снижаемся? – Спросил он, даже не взглянув на обзорные экраны.

– Да. Ты пристегнут?

– Естественно. Не волнуйтесь, Иван Андреевич, я не враг себе. Техника, работающая на полуавтомате – элемент риска в любом, самом безобидном перелете.

– Ну, тут часто бывают внезапные отказы оборудования, ты же знаешь.

– Могли бы элементарно установить дубль-системы и не вводить в уравнение безопасности такую переменную, как человеческий фактор.

– Потише, пожалуйста, – предупредил его Иван Андреевич.

– Мисс Клейн нас не слышит. Все под контролем.

Флайбот резко пошел на снижение, вновь попав сначала в густую облачность, а затем в зону непрекращающегося снежного бурана.

Видимость на обзорных экранах не превышала двух – трех метров, и Трегалин дистанционной мысленной командой переключил систему слежения в режим датчиков проникающего излучения.

Кирсанов занервничал, укоризненно посмотрев на Александра, – он опасался, что Герда заметит стороннее вмешательство в работу автоматики следящих комплексов, и посчитает это недопустимой вольностью со стороны своих пассажиров, но все обошлось, Трегалин лишь сделал успокаивающий жест – все в порядке, – и кивнул на экраны, где серая полумгла тут же проявила четкие контуры ледяных пиков, меж которых обнаружилась чуть более теплая, чем окружающий лед площадка, от которой в глубины ледника уходил наклонный тоннель. На самой площадке в заглубленных вровень с поверхностью ледника парковочных боксах располагались грузовые флайботы, чуть дальше, в нескольких километрах смутно просматривалась еще одна обширная взлетно-посадочная площадка, на этот раз предназначенная для приема суборбитальных челноков.

Из недр ледника вдоль наклонных, проложенных под небольшим углом и явно протяженных на многие километры тоннелей, тянулись трубопроводы, соединенные с резервуарами для хранения сырой нефти.

Настоящий добывающий комплекс, – подумал Кирсанов, испытывая все больше уважения к девушке, сумевшей организовать подобное производство среди вечных льдов.

...

Посадка прошла на удивление плавно. Флайбот, управляемый твердой рукой Клейн, сел точно в центре размеченного круга, и сегмент плиты под ним тот час же подался вниз, опуская прибывшую машину на уровень, где брал начало наклонный тоннель.

– Прилетели. – Раздался из-за перегородки комментарий Герды. – Сейчас нам перестоит около часа езды по тоннелю, и прибудем на уровень буровых установок.

Ничего особенно примечательного Ивану Андреевичу рассмотреть не удалось.

– Что-нибудь наблюдаешь, Саша? – обратился он к Трегалину

– Пока ничего интересного. – Александр на миг прикрыл глаза. – Обычная инфраструктура добывающего комплекса. – Пожал плечами он. – После того, как спустимся к подножию ледника, нужно будет удалиться в сторону километров на пятьдесят, чтобы избавиться от фонового излучения энергосистем буровых платформ. Только тогда я смогу без помех сканировать ледовые массы.

Глава 2.

Настоящее. Окраина скопления О'Хара. Первый энергоуровень гиперсферы. Район дрейфа КРК «Антропос».

Первым в точку сбора прибыл Кирсанов, но без своих постоянных спутников он не мог радикально повлиять на ситуацию, потому его прилет вызвал глухое непонимание со стороны командира «Антропоса».

Теперь к шлюзовой палубе КРК осторожно приближался еще один небольшой корабль.

Маневрирование в гиперсфере и процедура стыковки малотоннажного транспорта с картографическим крейсером заняли около часа. Пока шло сближение, Иван Андреевич прохаживался по площадке предшлюзового накопителя. Он размышлял, нетерпеливо поглядывая на индикационные сигналы, отражающие текущий статус процесса стыковки.

Наблюдавший за ним капитан «Антропоса» пребывал в явном недоумении. Конечно, оспаривать приказы Фредерика де Ритторена он не собирался, но что, мрак его раздери, может сделать в сложившейся ситуации сухопарый старик? Кто он? Светило от науки? Высокопоставленный чиновник? Агент флота Конфедерации Солнц? Где его интерес, и какую помощь он сможет оказать в разрешении нештатной ситуации?

Одни загадки. Шелтон не любил неопределенности и, если поначалу реакция специализированных кибернетических подсистем была вполне адекватна сложившейся обстановке, то последующие действия, продиктованные волеизъявлением конкретных людей, уже не казались ему столь целесообразными.

Посмотрим, кто прибудет на малом корабле.

...

Иван Андреевич продолжал неторопливо прохаживаться по площадке предшлюзового накопителя.

В отличие от капитана Шелтона, Кирсанов полностью представлял себе реальную степень возникшей угрозы. Более того, он понимал, что силовые методы разрешения ситуации вряд ли оправданы. Конечно, в определенных кругах настаивали на проведении крупномасштабной войсковой операции с привлечением ударных сил флота, но... рано. Еще не исчерпаны шансы, надежда теплится, пусть она слаба, призрачна, но легких путей никто и не предполагал.

Кирсанов пожегся.

Воздух в районе шлюзов холодный, бодрящий, пробирающий ознобом, конденсат подле внутренних люков образует тонкий налет замысловатых узоров инея.

Сколько еще ждать?

Цифры на индикационной панели уже начали обратный отчет. Примерно через минуту переборки и палубы «Антропоса» передали легкий толчок и короткую вибрацию, сопровождавшие процесс причаливания. Томительное ожидание достигло своей наивысшей точки, теперь до встречи осталось меньше минуты и, в такт убегающим мгновеньям, Кирсанов вновь и вновь переживал события четырехлетней давности, равно как и их внезапный рецидив.

Не все потеряно. Не все. – Мысленно повторял он.

Внутренний люк шлюзовой камеры номер три, наконец, дрогнул и начал движение в сторону.

Злобно взморгнул красный предупреждающий сигнал, но он тут же сменился на изумрудную искру индикации, означавшую, что процесс шлюзования завершен в штатном режиме.

Учитывая что «Антропос» по-прежнему пребывал в пространстве аномалии космоса, в пределах первого энергоуровня гиперсферы, то мастерству пилотов и надежности автоматики оставалось лишь мысленно аплодировать.

Люк полностью уполз в толстую переборку, и на пороге переходной камеры в сопровождении двух офицеров корпоративного флота появилась Герда.

Ее осунувшееся лицо хранило неизгладимый отпечаток пережитых за последние месяцы многократных стрессов. Казалось, на нем живут только глаза, чей лихорадочный блеск выдавал далеко не стабильное внутреннее состояние исхудавшей, практически изможденной девушки.

Иван Андреевич поторопился к ней навстречу, она заметила Кирсанова, остановилась, а он, подойдя, отеческим движением обнял ее за плечи, заглянул в глаза, ощущая холод ее ладоней, легкую дрожь в пальцах.

Нет, пара дней проведенных на золотых пляжах Коллио не смогли вернуть ее лицу здорового румянца, как не добавили душевного равновесия, скорее напротив лишь усилили внутреннее напряжение из-за прерванного мнемонического контакта

– Ну, здравствуй. – Кирсанов поздоровался так, словно они не виделись, как минимум, несколько лет.

Герда доверчиво прижалась к нему.

– Как хорошо, что вы здесь, Иван Андреевич.

– А как же иначе? – Он внимательно, пристально посмотрел ей в глаза. – Неужели думала, что оставлю тебя одну?

– Привыкла уже не верить в хорошее... – Негромко ответила Герда. – Надежда не умирает последней, Иван Андреевич... Она исчезает... со временем.

– Все так плохо в твоём понимании?

– Напротив... – Герда не ощущала холода, но поежилась. – Есть шанс, вы же знаете. Теперь, когда известно место, можно все проверить... По-настоящему проверить. – Последняя фраза далась ей с трудом. Было понятно: что бы ни говорила Герда – она отчаянно надеется на чудо, так же сильно боится, что его не произойдет

– Разумеется, теперь мы все узнаем наверняка. Не скажу, что будет легко, но...

Герда мягко, но непреклонно остановила его, просто приложив палец к своим губам.

– Не нужно лишних слов. – Прошептала она. – Мне все равно, сколько шансов нам отведено теорией вероятности. – Ее запавшие глаза, обрамленные темными кругами, блеснули. – Я чувствую, что это он. Иначе все, происходящее со мной, придется признать не эмпатией, а помешательством.

Герберт... Кирсанов мысленно несколько раз повторил знакомое имя, в который уже раз пытаясь ответить на один и тот же вопрос: – *Мог ли он выжить?*

– Если это не он, значит, я просто сошла с ума. Но ведь факты косвенно подтверждают переданную мной информацию?

– Не косвенно. Прямо подтверждают. – Ответил Кирсанов. – Система двойной звезды в облаке планетарной туманности. Сам объект пока не обнаружен, но «Антропос» едва сумел избежать огневого контакта с малыми кораблями. Ошибиться практически невозможно. Это были три «Х-страйкера», в сопровождении веретенообразных штурмовиков. Магнитные маркеры «Х-страйкеров» полностью совпадают с маркировкой, предоставленной службой собственной безопасности корпорации «Новый Свет». Теперь понимаешь, почему я так срочно вызвал тебя?

В глазах Герды, вопреки ее собственным словам, медленно, но явно разгорался лихорадочный огонек возродившейся надежды.

Год мучений, страшное самопознание, где крупницы истины приходили на границе жизни и смерти, прожит не зря. Она не сумасшедшая.

– Герберт жив... Я верю в это. Иначе не прилетела бы сюда. – Тихо, но твердо подытожила девушка.

* * *

Система Эригона. Четыре года назад. Борт неопознанного транспортного корабля...

Система Эригона, расположенная на границе рассеянного звездного скопления Центральных Миров, долгое время относилась к разряду стратегически-важных. Фактически тут проходила граница между корпоративной Окраиной и «старыми колониями», образующими костяк Конфедерации Солнц, однако после Семидневной Войны с расой Харамминов и открытия шарового скопления О'Хара¹⁴ очаг напряженности между окраиной и Центром человеческих миров угас сам собой.

В современности из системы Эригона были убраны все военно-космические базы, ибо теперь форпосты человечества основывались на границе с шаровым скоплением звезд, обнаруженным в глубинах Рукава Пустоты¹⁵.

Контроль над внутрисистемным пространством Эригона сначала ослаб, а затем исчез вовсе вместе с военным присутствием Флота Конфедерации.

Теперь только гражданские диспетчерские станции осуществляли наблюдение за энергетически выгодными точками гиперсферного всплытия. В их функции входили лишь стандартные операции навигационного сопровождения заранее известных межзвездных рейсов. Конечно, на борту станций имелась аппаратура экстренного действия, способная контролировать все внутрисистемное пространство, но упомянутые комплексы включались только при получении сигнала бедствия.

...Исходя из вышесказанного неудивительно, что небольшой войсковой транспорт, давно устаревший как морально, так и технически, вот уже более недели дрейфовал в стороне от основных навигационных маршрутов. Корабль не генерировал никаких опознавательных кодов, более того с его обшивки были старательно удалены все магнитные маркеры, обычно свидетельствующие о порте приписки. Люди, находившиеся на борту транспорта, явно не желали афишировать свое присутствие и, нужно сказать, им это удавалось в полной мере. Корабль темной тенью скользил на фоне немигающих россыпей звезд, соблюдая радиотишину. Энергетическая активность бортовых цепей была столь пренебрежительно мала, что сигнатуру¹⁶ войскового транспорта не фиксировали даже те немногие датчики, что периодически обшаривали пространство, отслеживая перемещения ледовых глыб астероидного пояса системы.

...

На борту транспортного корабля царило тусклое освещение энергосберегающего режима.

Большинство отсеков находилось в безобразном состоянии. Казалось что некая мрачная тень осенила корабль, оставив в сумеречных помещениях лишь тусклые пятна работающих

---

¹⁴ Семидневная война подробно описана в дилогии «Жизненное Пространство» (романы «Борт-618», «Жизненное пространство»).

¹⁵ Рукав Пустоты – Огромная, лишенная звезд область пространства. Начинается от туманности в «Мече Ориона». Протяженность – около 300 световых лет. Место обитания четырех рас древности и их трагической борьбы с мигрирующими ордами Предтеч. Часть Рукава Пустоты возникла на месте взорванных расой Дельфионов звезд, но большая его часть была сформирована так называемыми «устройствами вуали», скрывающими за собой шаровое скопление О'Хара.

¹⁶ Сигнатура – здесь и далее по тексту понятие «сигнатура» подразумевает любое сконфигурированное энергетическое поле (чаще сумму различных полей) которое может быть сопоставлено с излучающим энергию материальным объектом. В военной и гражданской системах идентификации существует понятие «карта сигнатур» – тут подразумеваются характерные заранее известные распределения энергий, соответствующие работе вполне определенных механизмов или их комплексов. Примером сложной комплексной сигнатуры может быть характерное распределение энергий, излучаемое космическим кораблем при работе бортовых систем.

голографических мониторов да редкие искорки индикационных сигналов автоматических подсистем.

Экипаж корабля состоял из пяти человек. Четверо из них обосновались в небольшом жилом модуле и лишь пятый предпочитал проводить время в пустом и гулком грузовом отсеке, по возможности не контактируя с другими членами экипажа.

Если внимательно присмотреться к нему становилось понятно, что это молодой человек, едва ли отметивший свое двадцатипятилетие. Его лицо отражало мрачную задумчивость, расслабленная поза была обманчива, – он каждую минуту проводил в напряжении, ожидая прихода неких, известных только ему неприятностей.

Два голографических монитора освещали сложную структуру аварийного пилот-ложемента, непонятно за какой надобностью установленного в грузовом отсеке транспортного корабля. Молодой человек просматривал поступающие на виртуальные экраны информацию, его взгляд был внимательным, цепким, настороженным, но изредка он как будто замирал, терял фокусировку, зрачки расширялись, словно в эти мгновенья он мысленно уносился очень далеко...

На самом деле молодой кибрайкер¹⁷ посылал в такие мгновенья очередной запрос в сеть или контролировал пространство прилегающих отсеков и коридоров, чтобы не быть захваченным врасплох.

Судя по сумеречному выражению его лица, никаких приятных событий, он не ожидал.

...

Сказать, что Герберту Хайту не везло «по жизни», было бы явным преувеличением, но в данный момент он чувствовал – черная полоса невезения неоправданно затянулась, вот только никаких намеков на радикальное улучшение ситуации он не видел, равно как не находил разумного выхода из создавшегося положения.

Сейчас Герберт сидел в кресле противоперегрузочного пилот-ложемента, предаваясь мрачным размышлениям на тему ближайших перспектив.

Проклятье... Надо же было вляпаться в такую дрянную историю...

В коридоре послышались тяжелые, отчетливые шаги, затем дверь отсека с надсадным скрежетом сдвинулась в сторону, но на половине хода все же застряла, и посетителю пришлось боком протискиваться в узкую щель. Герберт даже не повернул голову на звук. Он и без того прекрасно знал кто это.

– Привет Али, – бесцветным голосом произнес он. – Пришел за информацией? Извини, но порадовать не могу...

Молчание за спиной. Тяжелое, угрожающее сопение. Кисловатый запах пота и дешевого табака медленно ползет по отсеку.

– Ну, не летают богатые туристы на Эригон! – Не выдержав, раздражено произнес Герберт. – Нет им здесь никакого кайфа! На лед они могут полюбоваться и без дальних перелетов!..

Сопение за спиной прекратилось. Вернее его заглушили слова:

– Много говоришь. И мало делаешь. – Угрюмо произнес ганианец на ломанном интеранглийском.

– Ну, ну... Опять орать будешь? – Вяло поинтересовался Хайт. Выплеснув накопившиеся эмоции, он теперь ждал ответной реакции ганианца. В прошлый раз обошлось криком и угрозами, посмотрим, что придумает теперь.

– Зачем орать? – Али бесцеремонно присел на край скошенной панели допотопного компьютерного терминала. – Может, резать? – Доверительно спросил он, демонстративно поглаживая рукоять кинжала, ножны которого были прикреплены к поясу.

---

¹⁷ Значение терминов «кибрайкер» и «мнемоник», а так же сходство и различия между ними, будут объяснены далее по тексту

Ага, значит, уроки усваиваем. – Не без доли злорадства подумал Герберт. В прошлый раз Али в припадке ярости пытался его застрелить. Ничего не вышло. Хайт попросту заблокировал оружие, даже не пошевелив при этом пальцем.

Сегодня ганианец пришел с кинжалом. В логике сыну пустыни не откажешь. Удар отточенного куска стали не в состоянии остановить ни один кибрайкер. Но вот выжечь оппоненту мозги – запросто. Али не понимал, как сильно рискует. Вероятно, уповал на отсутствие имплантов в своей голове.

– Послушай, Али, давай не будем обострять обстановку.

Ганианец насупился.

– Плохо говоришь. Ничего не делаешь. Скучаешь. Мои люди тоже скучают. Все недовольны. Почему сидишь?

– А что мне, бегать по твоей посудине?! – Герберт опять понемногу начал заводиться.

– Мне сказали – ты кибрайкер!

– Ну? Я же не отрицаю, – да, кибрайкер! И что с того?!

– Работа простая. Почему не делаешь ее? – Раздраженно и язвительно поинтересовался Али. Его пальцы нервно поглаживали рукоять холодного оружия.

– Да сколько раз тебе повторять, – нет сейчас на Эригоне богатых туристов! – Не выдержав, все же вспылил Хайт. – Нету! Вот полюбуйся! – Герберт мысленным приказом включил устройство вывода данных. – Читать умеешь?

– Плохо.

– Ну, хоть на цифры посмотри! Вот, я взломал глобальную информационную систему ассоциации туроператоров Эригона, слева фамилии, справа адреса гостиниц, файлы с маршрутами туристических групп, а крайний столбец – это данные по кредитоспособности конкретных лиц. Цифры ты хорошо понимаешь, не прикидывайся. Ни у одного туриста, находящегося сегодня на планете, нет больше десяти тысяч на счету. Выбирай любого, я тебе уже предлагал. Только какой выкуп ты сможешь затребовать у них?

– Шаранг... – Прошипел ганианец. – Мне не нужно десять тысяч! Я хочу много денег! Миллион!...

– А я тебе про что толкую?! Нет сейчас на Эригоне ни одного миллионера! Чем ждать неизвестно чего, да приходить ко мне с угрозами, лучше прикажи лететь в другую звездную систему. К Элио, например. Там богатых людей – завались!

Некоторое время Али молча сопел, глядя на информационный экран, затем убрал ладонь с рукояти кинжала.

– На Элио не полетим. Опасно. Сколько ждать тут? – Сипло осведомился он.

– Завтра прибывает очередной корабль. – Ответил Герберт. – Может и появится стоящая кандидатура. Обещать ничего не могу.

– Ладно... – Буркнул ганианец. – Подождем.

Он вышел, так же как и вошел – боком протиснувшись через щель заклинившей на половине хода двери.

Хайт неприязненно проводил его мысленным взором.

На протяжении последних месяцев ему приходилось перебиваться случайными заработками, но так скверно его дела еще не обстояли ни разу.

Угораздило же меня завербоваться к такому тупому отморожку... – с досадой подумал он.

В затруднительное положение Хайт попал в результате неудачной операции, связанной с попыткой взлома коммерческой информационной сети, принадлежащей одной из крупнейших корпораций Окраины. Мнемоники «Нового Света» не только сумели пресечь попытку несанкционированного доступа к данным, но и провели удачную контратаку, – они пробili защиту,

сумев за доли секунд считать данные непосредственно из рассудка Герберта, *опознав* личность кибрайкера, что для человека его рода занятий граничило со смертным приговором.

Теперь на Хайта охотились все мнемоники Окраины, хуже того, – сведения о нем были переданы в специальный отдел флота Конфедерации, а оттуда службам безопасности космических портов всех без исключения миров, входящих в Содружество.

При таком раскладе Хайту оставалось лишь одно – бежать на Ганио¹⁸.

Нужно было чем-то зарабатывать на жизнь, но к физическому труду Герберт не привык, а манипулировать с кибернетическими системами ганианцев занятие не только бесперспективное, но и крайне рискованное. Свирепые воины кланов Ганио не прощали подобных выходов, чужеземцев здесь держали под постоянным негласным контролем, поэтому Хайт пришел к разумному выводу, что с кланами лучше сотрудничать.

Так стечение обстоятельств привело его на небольшой транспортный корабль, дрейфовавший в пространстве системы Эригон.

Хозяин корабля – обыкновенный пират, – быстро и доходчиво объяснил кибрайкеру его задачу:

– Мне нужны сведения о туристах, прибывающих на Эригон. – Интеранглиский Али оставлял желать лучшего, изъяснялся ганианец с чудовищным акцентом, подкрепляя свою речь жестикомацией, но Хайт быстро сообразил, что задумал главарь бандитов.

– Какие именно сведения тебя интересуют? – Все же уточнил он.

– Богатые люди. Ты должен найти для меня очень богатых туристов, за которых можно потребовать хороший выкуп. Справишься – получишь свою долю, наравне с командой.

– По настоящему богатые люди редко путешествуют под своими именами. – Ответил Герберт. Для этого они слишком умны.

– Твоя проблема. – Али пропустил реплику кибрайкера мимо ушей, оставив ее без внимания. – Мне нужны заложники, за которых я смогу получить выкуп. Как ты их найдешь среди толпы туристов, меня не касается.

Так Хайт был вынужден заняться взломом информационных систем туристических фирм, – работа для кибрайкера смехотворная и даже в чем-то унижительная.

* * *

Сутки спустя, когда в систему Эригона прибыл очередной пассажирский лайнер с туристами на борту, ситуация резко изменилась.

– Корабль на детекторах. Работай. – Пришло по внутренней связи нетерпеливое напоминание от Али.

Герберт с трудом сдержался, чтобы не послать его подальше. Во-первых, ганианец не имел ни малейшего понятия, что у кибрайкера могли иметься свои принципы, собственные взгляды на грань дозволенного, наконец! Одно дело добывать информацию, и передавать ее заинтересованным лицам, но ведь Али аль Атман не станет откладывать операцию по захвату заложников только из-за того, что на борту присутствует кибрайкер.

Выходит, я так же стану участником похищения людей? – С досадой подумал Герберт.

Некоторое время он мрачно смотрел в пустоту информационного экрана, ожидая пока загрузятся базы данных. Наконец в объеме голографического монитора появились информа-

---

¹⁸ Планета Ганио (звезда Халиф) населена выходцами с ближнего востока Земли, прошла путь полной деградации, вторично открыта в период первой галактической войны. Колыбель Раздоров – так в просторечии именовали эту планету, и, немного побродив по ее столице, любой человек мог убедиться в справедливости такого названия. Здесь заключались самые немыслимые сделки, отсюда тянулись корни многих событий, которые впоследствии занимали свое место на страницах учебников истории. Тут можно было завербовать и вооружить целую армию – были бы деньги, а все остальное, как любили выражаться сами ганианцы, – в руках Шииста.

ционные столбцы. Это был расшифрованный перехват сведений, которые транслировал суб-системный лайнер службам таможенного и иммиграционного контроля Эригона.

Ладно, выхода у меня все равно нет. – Мрачно размышлял Хайт, оценивая свое положение. – Нужно копнуть глубже, отследить, кто откуда прибыл... в конце концов, узнать у кого есть свой бизнес, и пусть Али подавится!.. Не вечно же мне сидеть на борту древнего транспорта и ждать, пока у ганианца лопнет терпение?

Настроение у Герберта было паршивым, но работа есть работа.

Чем быстрее я ее сделаю, тем скорее закончится этот дилбилизм. – Вот, наверное, единственное чем мог успокоить себя Хайт. Изучая базы данных визовой службы, он, пользуясь своими уникальными способностями, посылал запросы непосредственно через сеть Интерстар, и получал официальные ответы, так как все его действия осуществлялись от имени (то есть под прикрытием) официальных властей планеты Эригон.

Взломать соответствующие программы и подчинить их своим интересам для Герберта особо труда не составляло. Учитывая, что правительство Эригона существовало только «де-юре», а фактически всеми делами на планете заправляли владельцы крупнейших в галактике туристических фирм, осуществлять запросы, и получать ответы было несложно. Герберт не требовал какой-то конфиденциальной информации, его интересовал только род занятий прибывающих туристов, а это вполне укладывалось в регламент элементарной процедуры безопасности.

Настроение Герберта все более ухудшалось.

Надо что-то делать. Думай, – мысленно приказывал себе Хайт, просматривая списки прибывших пассажиров. – *Али откровенный отморозок. Что я выиграю, отыскав для него богатого туриста? Отпустит он меня с борта своей посудины?*

Нет. Он конечно урод, но далеко не дурак.

А что в таком случае делать мне?! – Герберт теперь уже окрысился сам на себя. – Совершить еще одну глупость? На этот раз роковую? Завладеть кораблем, изолировать ганианцев? Конечно для кибрайкера это не проблема, но что будет дальше?

Как ни поверни ситуацию, получалось скверно. Не было выхода. Или Али втянет меня в свою аферу с похищением людей, либо у капитана пиратов лопнет терпение, и он в порыве необузданной ярости прирежет несговорчивого наемника...

Нет, не годится. Умирать не собираюсь.

Но где выход? Угнать корабль? – Мысль уже пошла по кругу, перебирая немногочисленные варианты. – Что делать с командой? Ганио, на сегодняшний день – единственная планета, где еще можно укрыться от длинной руки корпораций и особого отдела Флота Конфедерации. Угон корабля мне не простят. Лишусь последнего убежища, последнего шанса.

Нет, буду тянуть время... Можно устроить поломку на корабле. Такую, чтобы Али был вынужден вернуться на Ганио. Там я сойду, и больше не стану ввязываться в сомнительные аферы.

Точно. Это шанс...

Размышляя Хайт, не переставал просматривать взломанные базы данных.

Чувство тревоги возникло внезапно, он так глубоко погрузился в свои размышления, что не сразу распознал его источник.

Прислушавшись к собственным ощущениям, он понял, что неосознанное беспокойство вызвали два пассажира, только что прибывшие на Эригон.

Александр Трегалин и Иван Кирсанов.

Трегалин?

Нет, фамилия может и знакомая, но ничего конкретного не говорит.

Почему тогда возникло чувство тревоги? Лицо? Что-то знакомое в чертах?

Память кибрайкера хранила ограниченное количество образов. Не смотря на молодость, Герберт прошел суровую школу, и усвоил ряд правил, незаменимых в его рискованном промысле. Одно из них гласило: память нельзя забивать воспоминаниями, их необходимо сортировать и «чистить», оставляя важное и удаляя второстепенное. Для подобных операций с собственным рассудком имелись специализированные кибернетические модули.

Чувство тревоги кольнуло и не возвращалось, но Хайт знал – ничего в мире не случается просто так.

Кого-то из этих двоих он встречал раньше.

Герберт достал тонкий футляр и открыл его; в тусклом свете голографического монитора таинственно блеснули два ряда микроскопических кибермодулей.

Некоторые микрочипы, уложенные в специальные экранированные гнезда, содержали те образы и воспоминания, которые он сознательно удалял из своего рассудка на протяжении последних лет.

Полностью удалять воспоминания – роковая ошибка. Нельзя расстаться с частицей самого себя, прожитое должно оставаться, пусть оно перекодировано и перемещено на иные носители информации, но всегда находиться под рукой.

Расширители памяти. Герберт отдал мысленную команду, активируя автономную систему футляра. Секунда и его разум получил доступ к той части собственных воспоминаний, что хранилась на микрочипах.

Поиск дал результат спустя пятнадцать секунд.

Саша Трегалин.

Он обучался в той же закрытой корпоративной школе, что и Герберт, но на каком-то этапе их группу разделили, и только позже Хайт узнал, что те, кого он считал отчисленными, на самом деле продолжали обучение, став *мнемониками*.

Этого еще не хватало...

Герберт находился не в той ситуации, чтобы равнодушно отнестись к появлению мнемоника на Эригоне. *Я не знаю, на какую из корпораций он работает.* – Промелькнула в рассудке лихорадочная мысль. Впрочем, не все ли равно? Когда дело касается защиты информации от посягательств кибрайкеров, корпы, как правило, объединяются, забывая существующие распри.

Конечно, сейчас уже ни для кого не секрет, что у каждой из промышленных групп сектора Окраины имеются свои кибрайкеры, но если кто-то из них вдруг оказывался «засвечен» во время операции (как это произошло с самим Гербертом) бывшие работодатели моментально отказываются от него. Обычно до глобального преследования дело не доходило – неудачника обычно убирали свои же, но в случае с Хайтом все оказалось намного сложнее, – он выскользнул из ловушки, исчез, сумел временно раствориться среди существующего на Ганио пестрого конгломерата авантюристов, наемников и убийц.

Кибрайкеры-одиночки, вроде Герберта, представляли для корпораций особую угрозу, в виду своей бесконтрольности и непредсказуемости, к тому же Хайт хоть и сорвал последнюю операцию, но все же успел завладеть частью секретной информации. Например, он теперь имел доступ к некоторым каналам межзвездной связи, принадлежавших лично Фредерику де Ритторену, – хозяину корпорации «Новый Свет» и ее действующему президенту в одном лице.

Ладно, будем рассуждать здраво. Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы отследить мой путь бегства на Ганио. Гораздо сложнее сотрудникам мнемонического отдела корпорации было узнать, кто именно меня нанял, но, даже если им известно имя аль Атмана, просчитать действия Али не по силам ни одному мнемонику, потому как ганианец не имел четкого плана действий. Захватить богатого туриста и исчезнуть в неисследованных или малонаселенных секторах пространства – это лишь намерение, конкретная реализация которого зависит от многих случайных факторов.

Ладно. Попробуем взглянуть на происходящее с другой стороны.

Что если появление Сани Трегалина на Эригоне всего лишь совпадение?

Глупости. Представить мнемоника, путешествующего в качестве обыкновенного туриста, Герберту было трудно. Специалисты по защите информационных сред, взлелеянные корпорациями, ценились очень высоко, и в отличие от кибрайкеров, им практически никогда не удавалось получить личной свободы.

Логично предположить, что Трегалин прибыл на Эригон с заданием, а вот касается ли оно меня, еще нужно выяснить...

Так, посмотрим, кто его спутник?

В объеме виртуального дисплея тут же возник новый информационный массив

Иван Андреевич Кирсанов, археолог, штатный сотрудник Института Галактической Истории. Основная специализация – история древних рас.

Герберт сморгнул, хотя мог и не делать лишних движений, информация от них не менялась.

Археолог... Более глупого прикрытия на планете, скованной вечными льдами, для сопровождения мнемоника не придумаешь. Археологам на Эригоне делать попросту нечего.

Герберт мысленно перебрал множество вариантов, ни один из которых не показался ему правдоподобным.

Оставался лишь один выход – следить за Трегалиным и Кирсановым, не выпуская их из поля зрения.

* * *

Два часа спустя, ситуация на борту каперского судна не изменилась. Али по-прежнему доставал Герберта своими угрозами, кибрайкер же не реагировал на них, делая вид, что занят поиском достойного объекта для похищения. На самом деле он сосредоточил все свои силы на слежке за мнемоником и археологом.

Осуществлять наблюдение оказалось делом непростым. Оба интересующих Хайта «туристов», как он и подозревал, прибыли на Эригон с какой-то особой целью. Они не остановились в гостинице, а, проведя короткие переговоры с руководством местной нефтедобывающей компании, совершили рискованный перелет в северное полушарие планеты, где никогда не проходило ни одного туристического маршрута.

Такой внезапный оборот событий еще больше насторожил Хайта.

Досада на жизнь, неудовлетворенность, озлобленность, страх – не лучшие советчики, но, несомненно, мощные стимулы к действию, особенно для кибрайкера-одиночки, который привык ощущать себя вне законов и вне общества.

Теперь внимание Герберта было целиком приковано к мнемонику и его компаньону. Если несколько часов назад он мучительно размышлял над своим положением, решая как выпутаться из сомнительной аферы с похищением людей, то сейчас Хайт словно преобразился. Чувство реальной опасности заставило его собраться, близкое присутствие мнемоника вмиг мобилизовало рассудок, и теперь ганианец со своей командой головорезов как-то резко отошел на второй план, став одним из мелких, но досадных проявлений данности.

Пока не узнаю, зачем пожаловал на Эригон мнемоник, Али может катиться куда подальше. В крайнем случае, заблокирую отсек аварийными переборками и перехвачу управление бортовой киберсистемой, чтобы эти отморозки меня не доставали. А не угомонятся, – заманю в пустой трюм запру там...

Сейчас Герберта волновали совсем иные вопросы. То, что еще недавно казалось ему важным и значительным, стусевалось на фоне появления мнемоника.

Зачем он совершил перелет в северное полушарие?

Это обязательно нужно узнать. Даже если появление Трегалина никак не связано с охотой на кибрайкера, из наблюдений за действиями Александра можно почерпнуть немало ценной, а быть может жизненно-важной информации, по сравнению с которой любой выкуп за самого состоятельного туриста – не заслуживающая внимания и затраченных усилий мелочь.

Проблема, возникшая перед кибрайкером, разрешилась достаточно быстро. Турфирмы содержали на орбитах Эригона мощную спутниковую группировку, насчитывающую несколько сот специализированных аппаратов, при помощи которых осуществлялся мониторинг самых удаленных маршрутов. Что особенно порадовало Герберта, – сканеры спутников слежения были специально адаптированы для условий скованной панцирем льда планеты, и могли контролировать всю сетку тоннелей, включая расположенные на пятикилометровой глубине, у основания ледника.

Некоторое время Хайт занимался выяснением параметров орбит космических аппаратов, пока не определил несколько спутников, периодически пролетающих над северным полушарием. Его задача упрощалась тем, что во время движения над неосвоенными людьми участками ледников аппаратура слежения автоматически входила в режим энергосбережения, – значит, он мог использовать ее без риска быть обнаруженным.

Выбрав пять орбитальных аппаратов, кибрайкер взломал их системы, добавив в полетное задание программу, которая будет работать в его интересах. Теперь он мог получать данные сканирования северного полушария и, суммируя показания приборов с пяти точек слежения, получать объемную модель интересующих его объектов.

Остальное – дело навыка. Имея трехмерное изображение, Герберт, конечно, не мог влезть в мысли мнемоника или его компаньона, – не было соответствующей аппаратуры, – но артикуляция губ считывалась свободно, а значит все, произнесенное вслух, не останется для кибрайкера тайной.

Через час, не удовлетворившись результатами проделанной работы, Хайт подключил к наблюдению еще шесть спутников, чтобы иметь непрерывную трансляцию происходящих в северном полушарии событий.

Теперь оставалось лишь наблюдать и ждать.

* * *

Эригон. Северное полушарие. Район нефтедобывающих комплексов...

– Ну вот, мое «подледное царство». – Герда сделал широкий жест рукой, не скрывая ноток гордости в голосе.

– Неужели все задумала и реализовала сама? – Кирсанов был удивлен.

– Да. Я ведь закончила Эригонский Государственный Университет, по специальности – инженер-проектировщик подледных коммуникаций.

– Редкая профессия. – Заметил Иван Андреевич.

– Да, и на иных мирах совершенно не востребованная. – С грустью добавила Герда. – Ладно, на буровые я вас не поведу, ничего интересного там нет, пойдемте, покажу «инспекторский домик», а потом заглянем в ангар, выберем подходящий вездеход.

– С удовольствием. А почему домик «инспекторский»?

– Да не хотели мне поначалу позволять разработку нефтяных месторождений. Постоянно присылали разные проверки, вот и пришлось даже домик для проверяющих соорудить. Потом отстали, а жилье осталось.

– А по какой причине не хотели разрешать добычу нефти?

– Да я поначалу попыталась использовать наемных рабочих. Дать работу соотечественникам, чтобы они не унижались, не гнули спины перед богатыми туристами. Вот и начали на меня давить – коренных эригонцев, кто может передвигаться без гравикомпенсаторов, на

самом деле по пальцам пересчитать можно, так что мой проект многим туристическим фирмам показался чуть ли не угрозой их бизнесу.

– И как все разрешилось в конечном итоге?

– Просто и грустно. Я сопротивлялась, сколько могла, а потом сама изменила решение. Не под давлением, не подумайте. Просто те, за кого я «боролась» оказались никуда не годными. Лентии. У них уже в привычку вошло ничего не делать, а деньги получать. Короче промучилась несколько месяцев, потом плюнула, перевела все управление на кибернетические комплексы – и самой спокойнее и домик как видите, пустует... – Герда улыбнулась краешком губ. – Даже дорожку к нему вон льдом всю прихватило.

– Красиво тут. – Кирсанов остановился, оглядываясь по сторонам. Такого действительно не увидишь ни на одной планете. Кругом лед, – под ногами, над головой, к тому же повышенная влажность, вследствие работы механизмов буровых установок, приводила к постоянному образованию конденсата, который замерзал на различных поверхностях, покрывая металл и пластик фантастическим по красоте узорами, укутывая постройки в мягкие, пушистые шубы инея, отчего трубопроводы и корпуса автоматических буровых станций, равно как и немногочисленные ремонтные, офисные или жилые постройки – все казалось родом из сказки. Если не забывать что над головой почти пять километров льда, сквозь который проложены трубы для перекачки нефти в емкости посадочной площадки, то белый холодный свет равномерно, почти без теней освещающий пещеру, кажется излучением самого холода.

– А какая тут температура?

– Минус тридцать.

– Стабильно?

– Нет. – Покачала головой Герда, открывая двери «инспекторского домика». – Мы с вами находимся на границе ледника и планетарной коры. Не так далеко расположены пещеры, где тепло недр находит выход к поверхности и там иногда бывает даже выше ноля по Цельсию.

– Это опасно? – Спросил молчавший всю дорогу Трегалин.

– Опасно, – кивнула Герда, справившись, наконец, с замерзшим замком. – Во-первых, часто случаются обвалы. Во-вторых, по трещинам гуляют такие «сквозняки», что человека с ног сбивают запросто.

– Интересно, если тут имеются мощные выходы планетного тепла, почему ледник в этих местах не растает?

– Он тает. Но тепла недр не хватит, чтобы полностью растопить ледниковый панцирь. Своды наиболее «теплых» пещер часто обрушаются, но быстро «нарастают» снова. Насколько я знаю, за всю историю освоения Эригона человеком случаев глобальных катастроф не было.

– А как же подледные города? – Трегалин вслед за Кирсановым вошел в достаточно тесный тамбур. – Как быть с теплом поселений?

– Ни один город не существует в прямом контакте с ледовыми массами. – Объяснила Герда. – Используются специальные термоизолирующие составы, из которых строятся оболочка, защитная скорлупа, корпус города, внутри которого реализованы замкнутые циклы.

– Ну а как же знаменитые ледяные пещеры и все прочее? – Поинтересовался Иван Андреевич.

Герда усмехнулась, включая свет в просторном помещении гостиной:

– Есть красивая сказка для туристов, а есть Эригон реальный. – Ответила она. – Никто не живет в сказочно-красивых ледяных дворцах. Это полная чушь, извините. Театрализованные представления, не более того.

* * *

Через четверть часа они, расположившись в домике для гостей, пили чай.

– Сегодня переночуете тут, а утром я покажу вам вездеход, выдам снаряжение, ну и парочку универсальных кибернетических механизмов подберем.

– А до утра ждать обязательно?

Герда удивленно посмотрела на Кирсанова.

– Не устали с дороги? При полуторном-то тяготении?

– Ничего страшного. Мы с Сашей можем отдыхать по очереди, ведь автоматика вездехода вполне надежна, верно?

– За кибернетические системы я могу поручиться, – кивнула Герда. – Техника обкатанная, проверенная не один раз. Если действительно торопитесь, то задерживать вас не стану.

– Не то, чтобы мы сильно торопимся, Герда, но вот насколько я знаю, скорость у тоннельного вездехода совсем невелика.

– Да движется он медленно, и менять настройки системы автопилота я вам не рекомендую. Ускорение процесса прокладки тоннеля может обернуться серьезными последствиями.

– Какими, например? – Поинтересовался Трегалин. Иван Андреевич заметил, что последние четверть часа его помощник ведет себя не совсем обычно, выдавая вроде бы ничем не обоснованную, повышенную нервность.

– При соблюдении технологии прокладки тоннеля, луч лазера создает на внутренней поверхности тоннеля специальный слой, упрочняющий стенки. Если увеличить скорость проходки, то создание такого слоя станет невозможным и тоннель через некоторое время пойдет трещинами, а потом и вовсе обвалиться.

– Герда, я обещаю, что мы будем соблюдать все предписанные меры безопасности – Заверил девушку Кирсанов, отставляя в сторону пустую чашку. – Спасибо вам за помощь, и за угощение, но нам действительно не нужен отдых. Хотелось бы побыстрее приступить к изысканиям.

– Да я вас, в общем, и не держу. – Ответила Герда. – Пошли в ангар, посмотрим, что есть подходящего из техники.

...

Тоннельный вездеход выглядел как огромный металлопластиковый крот. Передвигался он конечно не на лапах, а на гусеничном приводе, да и лед резал двумя лазерными установками инфракрасного спектра.

Погрузив в багажное отделение два универсальных кибернетических механизма, Иван Андреевич и Александр попрощались с Гердой, которая лично проверила запас энергии, воды и пищи, пока археологи грузили свое оборудование.

Сориентировавшись по трехмерной модели местности, Трегалин развернул машину в нужном направлении и включил автоматический режим резки тоннеля.

Кирсанов, договорившись с Гердой о периодичности сеансов связи, прошел в кабину и занял второе кресло.

– Саша, что случилось? Я заметил, ты нервничаешь?

– Чувство у меня возникло нехорошее, Иван Андреевич.

– Ну-ка, поподробнее?

– Показалось, что кто-то наблюдает за нами.

– А точнее? Показалось или все-таки наблюдают? – Кирсанов встревожился.

– Да вроде все в порядке. Это спутники на орбите. Я воспринимаю их излучение. Провел встречный запрос, – отвечают, что штатный режим сканирования. Вот только я так до конца и не понял, зачем орбитальным аппаратам контролировать полушарие, где нет ни одного туристического маршрута?

– Может, ведут разведку?

– Я могу это выяснить, только взломав один из них.

– Нет, Саша, на такую крайность идти не стоит. Никто не мог заранее знать, что мы отправимся именно на Эригон. Даже если за мной следили, а исключать такой возможности я не возьмусь, слишком быстро отреагировали. Нет, это совпадение, случайность.

Александр удивленно посмотрел на Кирсанова и переспросил:

– Вы допускаете слежку? А кому нужно следить за вами?

– Слышал когда-нибудь об охотниках за артефактами?

– Конечно. Но «черные археологи» действуют в Рукаве Пустоты, это же всем известно.

– Не только. Сейчас спрос на артефакты очень велик. Открою тебе небольшой секрет, который, в общем-то, не является государственной тайной Конфедерации, но и разглашать подобные сведения как бы не принято. Так вот, за многими исследователями, особенно за теми, кто регулярно проверяет свои теоретические выводы в полевых условиях, установлено тайное наблюдение.

– И за вами?

– Была парочка неприятных случаев. – Признался Кирсанов. – С тех пор я всегда ношу при себе сигнализатор, работающий на гиперсферных частотах. Так что расслабься, Саша, у тебя в этой экспедиции другое задание. Ты ищешь артефакты, мы вместе исследуем их, а безопасность нам обеспечит вот это маленькое устройство, хоть и разовое, но надежное.

Трегалин кивнул.

Нельзя сказать, что он успокоился, – Александр впервые попал на Эригон, и настораживало его в окружающем буквально все, но, в конце концов, для того он и просил дать ему шанс: экспедиция покажет насколько состоятелен мнемоник вне обычной сферы деятельности, то есть, могут ли его способности использоваться вне рамок защиты информации от сторонних посягательств.

* * *

К утру (понятие в подледных коммуникациях относительное) вездеход пробил пятьдесят километров тоннеля, двигаясь со скоростью десять километра в час.

Иван Андреевич уснул, Александру же не спалось, хотя реальных поводов для беспокойства пока что не было. Деятельность спутников он проверил, сканирующее излучение, пронзающее ледник на всю глубину, вполне укладывалось в рамки задач по контролю туристических маршрутов. Над северным полушарием сканеры по идее должны были бы отключаться, но Трегалин решил, что, начини он разбираться в таких тонкостях, как халатное отношение технического персонала к энергосберегающим режимам, то времени на действительно нужную работу у него не останется.

Спутники он оставил в покое.

Настоящая причина тревоги скрывалась в глубинах рассудка мнемоника и носила подсознательный характер. Он впервые ощущал себя оторванным от техногенной среды цивилизации, когда на тысячи километров вокруг только лед, обилие привычных для разума кибернетических устройств, равно как и виртуальная среда глобальной сети Интерстар сейчас находились вне зоны досягаемости передатчиков имплантов, и Трегалин впервые в жизни почувствовал настоящее одиночество.

Конечно, он в любую минуту мог задействовать мощные передатчики вездехода и соприкоснуться с привычной виртуально-информационной средой, но что же тогда получается? Стоит удалиться на пару тысяч километров от очага цивилизации и все? Уникальные способности исчезают, а он сам превращается в растерявшегося, переоценившего свои силы путешественника?

Чтобы не сосредотачиваться на дискомфортном ощущении, он постарался размышлять о чем-нибудь нейтральном, но и тут вышел промах: память выталкивала разного рода воспоминания и далеко не все они являлись приятными.

Само понятие *мнемоник* все еще искало свое место среди лексикона сотен Обитаемых Миров.

Мало кто из подобных Александру людей мог похвастаться тем, что свободен. Трегалин волею судьбы относился к тому поколению мнемоников, что появилось на Окраине усилиями корпораций, которые, защищая свои сети от атак кибрайкеров, создали их антиподов с равными возможностями, но иной психологией.

Вот уже несколько лет как Конфедерация и Совет Безопасности Миров узаконили статус избыточно имплантированных людей, наведя порядок на Окраине, где была разгромлена сеть нелегальных «учебных центров», где готовили мнемоников и кибрайкеров для нужд корпораций¹⁹.

Трегалину повезло: хоть он и успел вкусить жестокой борьбы, между могущественными корпорациями сектора, но вышел из нее живым, сохранив не только рассудок, но и душу, не очерстневшую, способную удивляться, сопереживать и надеяться.

Какими станут новые поколения мнемоников, для обучения которых созданы первые официальные академии, Александр не знал. Все покажет время. Прогресс в области имплантации уже не остановить. Мнемоники оказались востребованы не только в узких рамках задач по защите информационных сетей, их уникальные возможности, как выяснилось, намного шире. Сейчас специалисты мнемонического отдела флота участвовали во многих колониальных проектах, вели разведку Вертикалей гиперсферы, помогали исследовать отдаленные уголки пространства, куда способна проникнуть лишь мысль²⁰...

И все же сейчас в конкретной ситуации он начинал страдать от одиночества. Александр чувствовал себя, как житель мегаполиса, внезапно оказавшийся в безлюдной пустыне, где не функционируют привычные информационные каналы, не ощущается пульс жизни миллионов людей и работы миллиардов кибернетических устройств, а единственным крошечным островком привычной разуму мнемоника данности осталась кибернетическая система вездехода...

Прислушиваясь к своим чувствам, Трегалин лишь на короткое время испытал приступ непонятной фобии, потом, оттесняя дискомфорт, в рассудке начали проявляться иные ощущения.

Он по привычке закрыл глаза, сосредоточившись на недоступном обычному человеку мировосприятии.

Кибернетические модули имплантов по своей сути являлись иными органами сенсорного восприятия мира, — они позволяли опытному мнемонику шагнуть за барьер ощущений, установленный для человека природой.

Возможности стандартных сканирующих комплексов меркли по сравнению с только раскрывающимся потенциалом человеческого рассудка. Датчики имплантов передавали в разум Трегалина данные по распределению окружающих энергий, лишь одним усилием воли он менял диаметр сферы сканирования, чтобы работа силовой установки вездехода, тепловая засветка от лазерных разрядов, прокладывающих тоннель, и клубов горячего пара не мешали ему исследовать прилегающее пространство.

Постепенно перед рассудком Александра начал открываться совершенно новый, удивительный мир. Он воспринимал разные температурные зоны, ощущал геомагнитное поле планеты, внутренний взор различал границу между планетарной корой и многокилометровой толщей льда, — таким образом, Трегалин, постепенно свыкаясь с необычными проявлениями

---

¹⁹ Подробнее о событиях роман «Багровые Небеса».

²⁰ Подробнее о событиях роман «Киберпространство».

внешнего мира (до этого он работал исключительно в киберпространстве)²¹, начал воспринимать энергетическую ткань окружившей его данности, – он созерцал участок планетарной коры и покрывающий его ледник на уровне, *сравнимом* с киберпространством, с той лишь разницей, что генераторами энергий в данном случае являлись естественные природные силы и процессы.

Постепенно новое видение поглотило рассудок, он будто отделил разум от тела, сливаясь с окружающим миром в гармонии глобального восприятия.

Через некоторое время Александр начал свыкаться с новыми, только что открытыми возможностями собственного рассудка, и его внутреннему взору открывалось все больше деталей, он постепенно переходил к частностям, концентрируя внимание на отдельных направлениях мнемонического поиска.

...В стороне от курса вездехода внутренний взор Александра, проникнув сквозь толщу льда, внезапно обнаружил огромную пещеру, пространство которой наполнилось яркими энергиями.

Тепло планетарной коры ощущалось тут намного мощнее, – Трегалин предположил, что видит огромное озеро, заполняющее естественную впадину в обнажившемся из-под льда истинном рельефе поверхности Эригона.

Озеро воспринималось как жидкое стекло, базальтовое ложе виделось, как окутанная тепловой аурой излучения, изменчивая, многокрасочная поверхность; ледовые массы, образующие свод и стены исполинской пещеры, выглядели в представлении мнемоника как темные, пронизанные пульсирующими каналами ветвистых трещин, твердые и непрозрачные образования.

Трещины, по которым поднимались токи теплого воздуха, уходили вверх и в стороны, постепенно тускнея и сливаясь с основной массой ледника, а вот в глубинах озера внутренний взор мнемоника начал различать отдельные термальные всплески, которые *двигались* в толще «стекловидной» массы.

Неужели живые организмы?

...

Александр открыл глаза и принялся будить Кирсанова.

Тот проснулся мгновенно, потому что спал очень чутко.

– Что случилось, Саша?

– Я обнаружил огромную подледную пещеру! – Не в состоянии справиться с охватившим его восторженным ощущением сделанного открытия, воскликнул Александр. – Она в стороне от курса вездехода, примерно километрах в пятнадцати!.. Сканирующие комплексы туда не достают, но я увидел ее, пройдя на мнемоническое восприятие энергий!

Иван Андреевич был очень доволен. Если несколько дней назад, отправляясь на Эригон, он сомневался в рекомендованном ему методе поиска, то сейчас, глядя в горящие глаза Александра, подумал, что недооценил способностей мнемоника.

– Что ж, твое открытие нужно проверить. Давай остановим вездеход и рассчитаем новый курс, который выведет нас к пещере.

---

²¹ Киберпространство для большинства мнемоников – это виртуальная реальность, являющаяся генерацией всех без исключения кибернетических систем, работающих в пределах радиуса действия датчиков имплантов. Нельзя путать виртуальную реальность, доступную для рядового пользователя, выраженную в виде специально формируемых зрительных слуховых и иных образов, с киберпространством, воспринимаемым рассудком мнемоника. Последний сам визуализирует все энергетические и информационные потоки, то есть мнемоник видит недоступное человеческому глазу, он может мгновенно представить полную архитектуру работающих в непосредственной близости от него кибернетических устройств, ощущает связи между ними, видит сигнатуры механизмов и каналы обмена данными. Кроме глобальной картины, как бы взгляда со стороны на окружающие киберсистемы, мнемоник способен проникать в архитектуру устройств, его разум вливается в информационные потоки, которые он может контролировать (к примеру, защищая определенную часть сети и входящие в зону ответственности кибернетические устройства от попыток несанкционированного доступа).

* * *

Трегалин действительно совершил открытие.

Через два часа, уже на сканерах вездехода обозначилась граница огромной полости, образовавшейся в процессе естественного таяния льдов под воздействием температуры недр планеты, которая нашла выход к поверхности через сеть микротрещин в базальтовом ложе ледника.

Когда вездеход пробил тоннель и медленно выполз из узкого прохода на простор пещеры, свет мощных прожекторов, преломившись в рухнувших от свода глыбах льда, вдруг брызнул в разные стороны, осветив огромное пространство.

Казалось, что в воздухе подледного царства вдруг вспыхнул жидкий огонь разных цветов и оттенков. Сияние, искрясь в многочисленных глыбах и наростах льда, проникая сквозь прозрачные сталактиты, осветило площадь в десятки квадратных километров.

В феерическом многоцветии холодного пламени Иван Андреевич и Александр увидели, что центр пещеры действительно занимает озеро, над темной поверхностью которого курилось марево испарений.

– Поразительное зрелище... – Кирсанов не мог оторвать восхищенного взгляда от экранов обзора.

– Посмотрите на биодетектор. Как я и говорил, в озере есть жизнь. Микроорганизмы, водоросли, рыбы и даже какие-то небольшие животные.

– Давай-ка выйдем из вездехода. – Предложил Кирсанов. – Берег озера нужно тщательно осмотреть. Ты сделал настоящее открытие, Саша, ведь мы сейчас наблюдаем один из очагов пережившей оледенение биосферы, замкнутую экосистему, одну из множества, благодаря которым на Эригоне поддерживается высокий процент кислорода в атмосфере!..

Трегалин потрясенно молчал. Он понимал, что совершил открытие, но для окончательного осознания ему все еще требовалось увидеть темные воды озера собственными глазами.

Воспитанный как мнемоник, он не имел реального опыта применения своих способностей вне сформированного машинами киберпространства, – Александр делал сейчас первые самостоятельные шаги, на личном опыте постигая ловушки и преимущества двойственности восприятия окружающего мира, где в данном случае нет виртуальной паутины компьютерных сетей, и разум вдруг переключается на восприятие природных энергий.

* * *

Покинув машину, они вышли на отлогий берег озера.

В воде плавали ноздреватые льдины, похожие на миниатюрные айсберги. Вокруг продолжала полыхать феерия холодного света, сияние разных оттенков застыло в воздухе, поражая игрой красок, темная, почти черная поверхность воды, неподвижная, будто зеркало, создавала иллюзию твердой поверхности и лишь легкое движение воздуха, порождаемое разницей температур, дрожало над гладью озера едва заметным, струящимся маревом искажений.

– Никогда даже представить себе не мог такой красоты!.. – Раздался в коммуникаторе потрясенный голос Кирсанова. – Подумать только, Саша, мы с тобой первооткрыватели... до нас человеческая нога не ступала на берег этого озера, и никто во всей Обитаемой Галактике пока не знает о существовании этой пещеры.

– Может и хорошо, что никто не знает? – Неожиданно спросил Трегалин.

– Почему? – Иван Андреевич удивленно повернул голову, посмотрев на своего спутника сквозь прозрачный пластик мягкого шлема.

– Изгадят тут все. Туристы. – Александр ответил отрывисто, односложно, – он и сам был взволнован той красотой и таинственностью, что источал сам воздух огромной пещеры.

– Послушай... Ты слышишь капель? – Кирсанов не стал отвечать на замечание относительно туристов, понимая, что Александр прав: нарушив первозданную красоту данного места, человек, вольно или невольно, принесет сюда вместе со своим присутствием радикальные, а быть может и необратимые перемены.

Трегалин прислушался. Действительно от сводов пещеры срывались капли талой воды, звук их падения резонировал в тонких ледяных перегородках, становясь звонче и отчетливее. Капель в тиши ледового зала походила на музыку, в которой ощущалось что-то от вечности...

– Нужно соблюдать осторожность. Поверхность озера как видно не замерзает, значит, плавающие глыбы льда сорвались от сводов. – Спустя некоторое время произнес Иван Андреевич.

– Я переключусь на импланты. – Ответил Александр. – Так будет спокойнее.

– Хорошо. Только рассказывай, что ты видишь. Нам нужно наметить какой-то маршрут, чтобы отснять как можно больше видеоматериалов.

– Озеро ни в одной точке не подходит вплотную к стенам пещеры. – Ответил Трегалин, наблюдая посредством кибермодулей противоположный берег. – Мы вполне можем обойти его по кругу.

– Нужно взять пробы воды и воздуха.

– Я отдам распоряжение кибермеханизмам. Они все сделают. Могу дать задание поймать пару рыб.

– Не стоит. – Ответил Кирсанов, включая фонарь шлема. – Пока достаточно стандартных замеров, а обитателей озера тревожить не нужно.

Александр кивнул, отдал мысленный приказ двум универсальным кибернетическим механизмам, убедился, что те вышли из вездехода через люк грузового отсека, и только тогда направился вслед за археологом, начиная обход озера.

Свет от фонаря Кирсанова метался по стенам пещеры метрах в пятидесяти от Александра.

– Иван Андреевич, меня подождите.

* * *

Пройдя по берегу порядка двух километров, они неожиданно сделали еще целый ряд поразительных открытий.

На противоположной стороне водоема, наполовину зарывшись в гальку у самой кромки воды, словно сглаженный временем утес, возвышался фрагмент космического корабля расы инсектов.

О том, что пред ними именно космический корабль, принадлежащий разумным насекомым ни Кирсанов, ни Трегалин не усомнились, ни на секунду. Однако характерный для инсектов черный органический материал, из которого те строили свои города и создавали целые орбитальные комплексы, на этот раз оказался воплощен в необычных формах. Фрагмент был явно неполным, но узнаваемые вздутия силовых установок однозначно свидетельствовали в пользу космического корабля; в то же время такой конструкции не встречалось ни в одном из каталогов – обтекаемый нос корабля располагался меж вздутий двигательных секций, кормовая часть отсутствовала, а по периметру обтекателя виднелись отверстия. Когда-то они наверняка закрывались специальными диафрагмами, но сейчас от защитных устройств остались лишь едва приметные полосы, расположенные на внутренней части отверстий. Но самое главное – размер! Все образцы космической техники расы Инсектов насчитывали сотни метров в

длину, этот же был всего пару метров в поперечнике, и даже отсутствие хвостовой части не являлось препятствием, чтобы определить общий габарит летательного аппарата.

– Ну и дела... – Александр обошел обломок со всех сторон. – Иван Андреевич, похоже, мы нашли малый корабль насекомых!

– Да, перед нами истребитель. – Кирсанов уже успел осмотреть одно из отверстий, удивившись, что органическая броня небывалой прочности носит следы нагрева и плавления. В глубине отверстия среди запекшейся черной массы виднелась поврежденная испускающая трубка лазерного излучателя. – Малый боевой корабль! Я даже не мечтал о подобной находке!

– Иван Андреевич, вы бы взглянули на кормовую часть. Вернее на то, что от нее осталось.

Кирсанов подошел к Александру.

Да, действительно на повреждения стоило взглянуть. Вся хвостовая часть истребителя, начиная от двигательных установок, оказалась расплавлена, видимо корпус в какой-то момент потерял прочность и начал вытягиваться, пока не оторвался вовсе, оставив за двигательными секциями скошенный конический выступ с нитевидными потеками размягчившегося, а затем застывшего материала обшивки.

– Очень странные повреждения. Даже не представляю, кто мог их нанести. У насекомых, насколько мне известно, самым мощным энергетическим оружием являлся лазер, но тут нет характерного среза или шрамов на броне.

– Зато все признаки попадания плазменного разряда налицо, – развил его мысль Трегалин. – Плазмойд попал в кормовую часть и расплавил ее, отчего хвостовая конструкция просто оторвалась.

– Плазмогенераторов такой мощности на вооружении у насекомых не было. Логриане вообще не строили боевых кораблей... разве только это оружие Харамминов?! Как ты считаешь, Саша?

– У Харамминов не существовало мобильных плазмогенераторов, только стационарные, связанные с реакторами, базирующимися на планетах. – Уверенно ответил мнемоник. – В корпоративной школе нам преподавали, вернее *имплантировали* все доступные данные по древним расам, особенно, что касалось их техники и вооружений.

– Да, но до нас вообще не дошли сведения о крупных кораблях Харамминов. – Выслушав его, все же возразил Иван Андреевич. – К тому же существовала еще и раса дельфинов, о которой мы так же почти ничего не знаем. Обрати внимание, Саша, до сегодняшнего дня мы могли только предполагать, что у насекомых, к примеру, существовали малые аппараты, аналогичные нашим истребителям или штурмовикам. Ну, не томи, что там внутри?

– Все сплавлено в единый ком. – Ответил Трегалин, произведя глубинное сканирование объекта. – Чудо что он сохранил свою форму.

Кирсанов просмотрел переданные ему данные, потом снова обошел обломок носовой части истребителя и, покачивая головой, произнес:

– Поразить плазменным разрядом подвижную, небольшую по размерам цель весьма затруднительно.

Трегалин был вынужден согласиться. Действительно, попасть в истребитель разрядом плазмы трудно, да и вести такой «расточительный» огонь по подвижным, юрким целям невыгодно, в плане энергосбережения. И, тем не менее, он не мог представить иной вид энергетического оружия, способного нанести столь характерные повреждения.

– Нужно тщательно изучить всю пещеру. Возможно, мы отыщем ответ на загадку, если найдем еще какие-то обломки? Я лично не могу вспомнить, чтобы где-то упоминалось о крупномасштабных столкновениях между древними расами.

– Ты прав, таких свидетельств не сохранилось. После бегства насекомых и логриан в скопление О'Хара там случались стычки между насекомыми и Харамминами, но доступные нам древние источники информации описывают столкновения кораблей среднего класса, аналогичных

по своим размерам нашим штурмовым носителям времен Галактической войны и современным корветам.

– А что говорит история древних цивилизаций о кораблях дельфинов? – Поинтересовался Александр.

– О них не сохранилось ни сведений, ни материальных свидетельств. В пространстве Рукава Пустоты до сих пор находят множество обломков, но составить по ним представление о размерах, структуре или внешнем виде космических кораблей дельфинов до сих пор не удалось.

Так, обмениваясь мнениями и догадками, они медленно продвигались вдоль береговой линии, тщательно исследуя доступное для сканирования пространство.

Четверть часа спустя их усилия вновь были вознаграждены, – на глубине двух метров под гладью воды покоился еще один обломок. Внешне он напоминал рассеченное наискось покрытое многочисленными шрамами и ожогами веретено.

Александр, исследовав находку, передал Кирсанову итоговый файл. Они вдвоем некоторое время рассматривали полученное изображение, недоумевая, – кораблей подобной формы не строили ни Инсекты, ни Логриане, ни Хараммины. Для дельфинов он был слишком мал и явно не приспособлен: известно, что раса дельфинов обитала в океанах, длина их туловищ составляла около двух метров, а внутри разрезанного наискось «веретена» вообще не наблюдалось свободного пространства. Структура рассеченного лазерным лучом малого корабля была ячеистой, ни одна полость не превышала по своим размерам тридцати сантиметров, в доступной для сканирования части сохранившейся обшивки не было ни люков, ни оружейных портов, ни каких-либо выступов надстроек, лишь ближе к заостренной, вытянутой в форме иглы носовой (или кормовой) части виднелись симметрично расположенные наросты.

– Совершенно непонятная конструкция. – Наконец заключил Кирсанов. – Внутри нет места для пилота, значит ли это что перед нами обломок автоматического корабля?

– Трудно сказать. Кабина пилота могла располагаться в отсутствующей части. Взгляните на модель объекта, Иван Андреевич. Эти вздутия обрамляют отверстие, похожее на сопло, и в то же время они напоминают мне элементы электромагнитного устройства, которое участвует в формировании плазменного тела, в известных мне конструкциях генераторов плазмы. Если я прав, то тогда плазмодид выдавливался через сопло и, попав в кокон электромагнитного поля, некоторое время сохранял стабильную структуру. Пока не достигал цель. – Пояснил он.

– Не могу даже предположить к изделиям какой расы отнести данный обломок. Сканирование указывает на сложный металлокерамический сплав корпуса. Подобного соединения в природе не существует и среди известных артефактов не встречается.

– Значит, мы сделали еще одно потрясающее открытие?

– Выходит так... – Ответ археолога прозвучал неуверенно, Иван Андреевич хоть и успел свериться с базами данных хранящихся в его личном кибстеке, но еще не полностью осознал уникальность сделанной находки. Если верить результатам сравнительного анализа, данный обломок не принадлежал ни одной из известных цивилизаций древнего космоса!..

– Саша мы должны скрупулезно все зафиксировать, но трогать обломки не станем.

– Почему? – Удивился Трегалин.

– Мы с тобой лишь разведчики, настоящие исследователи придут, как только я получу возможность подготовить и отправить полноценный отчет на Элио. Важно чтобы к прибытию экспедиции тут все сохранилось в нетронутом виде. Нам с тобой придется заделать пробитый вход, восстановив ледяную стену, чтобы не нарушить воцарившегося тут температурного баланса.

– Жаль... – Вздохнул Трегалин. – А я думал, мы попытаемся разгадать тайну обломка.

– Обязательно разгадаем. Только не сегодня. Иногда в профессии археолога главным становится девиз врача: не навреди. У нас с тобой нет надлежащего полевого оборудования,

я предполагал лишь провести разведку, в надежде обнаружить следы пребывания на Эригоне расы Инсектов. И уж никак не думал, что здесь будут найдены боевые корабли двух рас, к тому же неизвестной ранее конструкции.

– Значит все задокументируем, и поворачиваем обратно?

– Нет. Раз уж мы тут, поворачивать назад преждевременно. Пройдем еще хотя бы километров двести. Теперь я буду полагаться не только на свою интуицию, но и на твои импланты, они оказались намного эффективнее сканирующих комплексов вездехода. Попробуем отыскать подобные пещеры, и исследуем их.

– Хорошо Иван Андреевич. Я готов. Только подскажите мне, что делать.

* * *

Система Эригон. Борт древнего войскового транспорта...

Хайт, установив орбитальный контроль над перемещениями мнемоника и археолога, поначалу хотел лишь выяснить, не является ли их появление в системе Эригона продолжением «охоты на кибрайкера», организованной корпорациями Окраины, а в результате стал свидетелем потрясающего открытия, более того, он узнал и изначальную цель экспедиции – поиски легендарного генератора расы инсектов!

Такая удача в руки кибрайкера может попасть лишь раз в жизни.

Ситуация (по внутренним ощущениям Хайта) радикально изменилась, он получил информацию, которая меняла все знаки, аннулировала любые договоренности или обязательства, – далее Герберт собирался действовать один, планы Али его вообще больше не интересовали, однако терпение у ганианца не безгранично, оно лопнет, причем очень скоро, а ведь они находятся на одном корабле и разделяют их всего лишь переборки отсеков.

Герберт тяжело задумался над создавшимся положением.

Его не волновал сам факт, что он собирается «кинуть» аль Атмана, являющегося его «работодателем».

Я вообще случайно впутался в эту дебильную историю с захватом заложников. Там, внизу, найдены артефакты древних рас, этот археолог в паре с мнемоником вот-вот отыщут гравитационный генератор инсектов, при помощи которого насекомые двигали планеты, а я что останусь в сторонке, буду наблюдать и радоваться за человечество?!..

Ему выпал шанс одним разом решить все свои проблемы, помириться с корпорациями, заработать солидную сумму денег, но на фоне блеснувших радужных перспектив существовала реальная проблема: он находился на борту пиратского корабля, чей капитан начисто обделен фантазией, – пытаться убедить Али, что за информацию об артефактах можно получить во сто крат больше денег, чем захватив в заложники миллионера, – пустая трата времени.

Раз так, то следовало продолжать тянуть время, и по возможности подготовиться к конфронтации.

Не дожидаясь вызова, Герберт сам вышел на связь, доложив, что заканчивает проработку списка кандидатов на похищение.

Теперь по оценке самого Хайта у него оставалось приблизительно два часа до того момента, как аль Атман окончательно потеряет терпение.

Конечно, существовала слабая вероятность, что с ганианцем удастся договориться, убедив его, что информацию о событиях, происходящих в данный момент в районе северных широт Эригона, можно продать, но уповать на благоразумие аль Атмана все же было величайшей глупостью, и Герберт, не отменяя попытки торга, искал способ обезопасить себя от посягательств ганианцев.

В первую очередь он вошел в мнемонический контакт с главной кибернетической системой корабля.

Ему даже взламывать ничего не пришлось – древний войсковой транспорт и так оказался изуродован до полного безобразия – все системы ограничения доступа и подтверждения полномочий уничтожены, большинство операций по управлению кораблем осуществлялось вручную, часть приборов и даже целые подсистемы вообще были лишены энергии за «ненужность».

Герберту понадобилось десять минут, чтобы закачать через импланты всю техническую информацию, какую удалось обнаружить в бортовой сети корабля.

Итак, войсковой транспорт. Разработан еще в период галактических войн, основная задача, – снабжение десантных подразделений, осуществляющих высадки на планеты.

Стоп... А как он доставлял грузы на поверхность планет, если кроме маневровых двигателей и гиперсферного привода у транспорта нет никаких дополнительных движителей, годных для проводки корабля через атмосферу?

Через минуту, пытаясь ответить на заданный самому себе вопрос, Герберт обнаружил несколько поздних усовершенствований конструкции, а именно: две секции двигателей планетарной тяги и шесть симметрично расположенных грузовых аппарелей.

Однако изменения в конструкцию были внесены относительно недавно, а как функционировал транспорт в своей изначальной конфигурации?

Ответ напрашивался только один, и вскоре Герберт сумел найти ему подтверждение: шесть грузовых сегментов, симметрично расположенных относительно оси вращения корабля, имели собственные планетарные двигатели.

Но если допустить, что войсковой транспорт мог производить запланированный отстрел грузовых модулей в околопланетном пространстве, то каждый отсек должен быть оснащен не только двигателями, но и средствами навигации, обеспечивающими управляемую посадку!..

Герберт почувствовал, что находится на верном пути.

Смогу договориться с Али – прекрасно, – думал он, – но даже и при таком раскладе средство для индивидуального спасения не повредит. Итак, что же получается? Транспорт имеет шесть отделяемых отсеков?

Логичная мысль. Таким образом, могла осуществляться доставка грузов в районы боевых действий, на поверхность планет. Герберт последовал за нитью рассуждений и, спустя некоторое время, понял, что пульт управления и консоль автономной киберсистемы, установленные в каждом из шести грузовых модулей, не позднее усовершенствование, как он думал поначалу, а штатная подсистема войскового транспорта. У отстреливаемого отсека действительно имелись свои средства навигации, двигатели планетарной тяги и грубые, но вполне удовлетворяющие требованиям военного времени устройства коррекции курса.

Около получаса понадобилось кибрайкеру, чтобы разобраться с древней кибернетической системой. Поначалу, обнаружив среди оборудования отсека планетарные двигатели, он удивился, ведь подобная оснастка обычного грузового модуля на первый взгляд выглядела расточительством, но, подумав, он пришел к выводу, что был не прав. Благодаря подобному «излишеству» войсковой транспорт получал массу преимуществ. Он мог одновременно снабжать десятки боевых подразделений, десантируя модули в разные точки на поверхности планет, при этом мощная и надежная схема посадки гарантировала сохранность груза.

Во время войны действовали иные критерии целесообразности, – подумалось ему. – Своевременное обеспечение наземных подразделений помогало сохранить сервомеханизмы, чья стоимость в десятки раз превышала затраты на производство управляемых грузовых модулей.

Для кибрайкера подобные мысли являлись не пустой тратой времени, – чтобы быстро и эффективно разобраться в ситуации, подчинить своей воле древний кибернетический комплекс, Герберту требовалось понять, как он функционирует, представить ход мысли его работников.

Конечно, после войны транспорт переоснастили, дав кораблю возможность непосредственной доставки грузов в космические порты планет. О выброске контейнеров на необорудованные площадки уже не могло быть и речи. Их дополнительно закрепили на докировочном стержне, снабдили аппаратами для погрузочных работ, а системы автономной навигации так же, как и двигательные секции попросту законсервировали.

Переоборудование вышло не очень дорогим, потому корабль остался в строю.

Герберту в этом плане очень повезло. Что ему требовалось – это подать энергию, протестировать все шесть модулей, затем выбрать один, наиболее работоспособный и, используя централизованную систему подачи планетарного топлива перекачать горючее в избранный сегмент.

Начиная приводить в исполнение свой дерзкий план, Хайт действовал спокойно, без суеты.

Он отлично понимал, что автономная система управления, которая включится в момент отстрела отсека, полностью автоматизирована и не рассчитана в своих действиях на поддержание человеческой жизни.

Скверно...

Я смогу задать точку приземления, но повлиять на маневры посадки уже не сумею. Это не выход. В конце концов, я не ящик со снарядами... Да и совершать посадку на Эригон мне ни к чему.

Хайт подумал было, что зашел в тупик и все же придется искать иной способ обретения свободы, к примеру, завладеть кораблем, полностью уничтожив ганианцев. Сейчас о моральных принципах почему-то не думалось. Наверное с самого начала нужно было не церемониться с ними... – Влезла в рассудок холодная, скользкая мысль. – Хотя как я их уничтожу?

Вот ведь проблема... При всех мнемонических способностях Герберт был, мягко говоря, не силен в искусстве рукопашного боя. Максимум что он мог сделать – это разгерметизировать отсеки, в которых сейчас находится Али и его люди.

Ладно, с этим я всегда успею...

Мысль Герберта вернулась к виртуальной модели транспорта.

А это у нас, что за аварийные переборки и на кой фрайг они сдались в отделяемом грузовом модуле? Так, сегмент номер четыре, как раз мой отсек, кстати, и противоперегрузочные ложементы на схеме обозначены, как штатное оборудование!

Подключившись непосредственно к подсистемам четвертого грузового модуля, Герберт наконец-то понял, что ему улыбнулась удача.

Данный отделяемый отсек корабля служил не только для доставки грузов, но и мог использоваться, как средство спасения экипажа при возникновении аварийных обстоятельств.

Видимо данная функция была сохранена и в современной конфигурации корабля иначе как объяснить, что противоперегрузочные ложементы не демонтированы?

Так теперь разобраться со схемами подачи топлива, срочно, пока Али еще ничего не заподозрил. Герберт чувствовал неопишное облегчение, он имел все основания подозревать, что ганианцы по-любому не оставили бы его в живых, даже если бы их афера с захватом заложников удалась. Уж больно не нравился им человек, который, используя только силу мысли, смог заблокировать работу импульсного оружия в руках у их предводителя. Что касается самого Али, то он подобных выходок не прощал никому и никогда – «на лбу», конечно, у ганианца этого написано не было, но во взгляде читалось однозначно.

Размышляя таким образом, Герберт проверил подачу энергии, затем, отключив немногие уцелевшие блоки систем безопасности, автономной командой задействовал механизм поднятия аварийных переборок и только после этого реанимировал древнюю кибернетическую систему, вплотную занявшись получением полномочий доступа к управлению всеми процессами.

Учитывая современную оснастку и уровень личной подготовки, Герберт справился с задачей в рекордно короткий срок, – прошло всего десять минут, а внутри загерметизированного модуля номер четыре уже функционировала автономная система жизнеобеспечения, а в двигательные секции перекачивалось планетарное горючее, причем никто из ганианцев не подозревал о начале данных процессов.

Теперь, когда предварительные меры к личному спасению были предприняты, а активное вещество начало поступать к плазменным установкам планетарной тяги, у Герберта осталось достаточно времени на то, чтобы выяснить через спутники, что происходит внизу, под толщей льдов Эригона.

Он не собирался инициировать конфронтацию на борту транспортного корабля, пока к тому его не вынудит Али, или кто-то из подчиненных ему ганианцев.

Глава 3.

Эригон. Северное полушарие...

Удача вновь улыбнулась двум археологам только спустя сутки после обследования пещеры, когда специально оборудованный вездеход пробил в толще ледниковых масс еще сто тридцать километров тоннеля.

Через каждые двадцать километров они останавливали машину, чтобы дать подзарядиться накопителям устройств накачки инфракрасных лазеров и без помех исследовать прилегающие к тоннелю массы льда.

Здесь на первый план выступали личные способности Александра.

Кирсанов, до этого знакомый с мнемоническим восприятием лишь на уровне теории, не устал поражаться увиденному. Трегалин специально сформировал отдельный информационный канал, позволявший Ивану Андреевичу наблюдать процесс сканирования в реальном времени, что называется видеть мир «глазами мнемоника». Благодаря набору кибермодулей, размещенных в гнездах дополнительных имплантов (их у Александра было пять), на зрительный нерв Трегалина выводились данные, полученные от сканеров, то есть, информация, прошедшая предварительную обработку в кибермодулях, визуализировалась рассудком человека.

Для Кирсанова, не знакомого с конкретными приемами мнемонического сканирования, поначалу внешние проявления процесса выглядели не очень-то впечатляющими. Александр выходил из вездехода и останавливался, обычно в десятке метров от машины. Затем он просто закрывал глаза, и некоторое время стоял неподвижно.

Со стороны могло показаться, что он вообще ничего не делает, но на самом деле разум Трегалина напряженно работал.

Перед внутренним взором Александра при каждой остановке открывалась новая, не похожая на предыдущие, динамически изменяющаяся во времени картина: основная масса льда, со всех сторон окружающая пробитый лазерами вездехода тоннель, выглядела как серый фон, в глубинах которого, то ближе, то дальше постепенно проступали замысловатые контуры трещин. Некоторые, остающиеся холодными, виднелись едва-едва, иные, по которым от поверхности планетарной коры поднимались токи теплого воздуха, проявлялись ярче, – они либо пульсировали, либо *текли*, плавно меняя интенсивность своей окраски.

Таким же образом в видении Александра проявлялись естественные подледные пещеры, озера талой воды, ручьи, и любые вкрапления в лед. Обычно пласты льда содержали разный процент примесей и вкраплений в виде различных по размерам камней, реже – прослойки песка, и даже тонкого налета органики. Каждый предмет или прослойка имели свою, отличающуюся от общего фона температуру, и, благодаря таким термальным перепадам, Александр мог фиксировать внутреннюю структуру ледника на десятки километров в объеме полусферы: внизу «под ногами» он воспринимал неровный рельеф планетарной коры, который, в ощущениях мнемоника, имел неравномерную опалесцирующую окраску, словно под тонким слоем льда «дышала» теплом сама планета, четко обозначая недоступный обычным датчикам ландшафт...

...Каждая остановка приносила что-то новое, пополняя создаваемые по ходу исследований уникальные базы данных, но к середине вторых суток поиска постепенно начали истощаться, как ресурсы машины, так и пределы человеческих возможностей. Они взяли такой темп, что Иван Андреевич не выдерживал его, но Трегалин, воодушевленный первыми находками, как будто не замечал усталости, он всецело находился под властью новых впечатлений, его разум требовал их еще и еще...

В конечном итоге Кирсанов не выдержал – задремал, а Александр продолжал работать, понимая, что в скором времени им так или иначе придется остановиться, чтобы истощенные накопители машины могли произвести подзарядку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.